

№12

Декабрь 2023

რუსული კლუბი

РУССКИЙ КЛУБ

Скоро Новый год!

შედი ჰოპინსი Мари Поттшице

მიუზიკლი

პამელა ტრევერსის ამავე სახელწოდების
წიგნისა და მაქსიმ დუნაევსკის
მუსიკალური კომპოზიციების მიხედვით

МЮЗИКЛ

По мотивам одноименной книги
Памелы Трэверс и по музыкальным
композициям Максима Дунаевского

ინსცენირების ავტორი:
ლევან გვაზავა, ნინო მანაგაძე
რეჟისორი და მუს. გამფორმებელი:
ლევან გვაზავა
მხატვარი: ბარბარა ასლამაზი
ქორეოგრაფი: დავით მეტრეველი
არანჟირების ავტორი:
ნათია ჯიქია, ლევან გვაზავა
გუნდის არანჟირება:
მარია ელენე ბეუაშვილი

Инсценировка:
Леван Гвазავა, Нино Манагадзе
Режиссёр, автор музыкального оформления:
Леван Гвазავა
Художник: Барбара Асламази
Хореограф: Давид Метревели
Аранжировки:
Натия Джикиа, Леван Гвазავა
Аранжировка хора:
Мария Елена Бежашвили

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси,
пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Нина ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ

Заместитель главного редактора
Владимир ГОЛОВИН

Редакционная коллегия:

Алла БЕЖЕНЦЕВА
Инна БЕЗИРГАНОВА
Эмзар КВИТАИШВИЛИ
Демико ЛОЛАДЗЕ
Михаил ЛЯШЕНКО

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Допечатная подготовка
Елена ГАЛАШЕВСКАЯ

Корректурa
Алена ДЕНЯГА

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
Зураб АБАШИДЗЕ
Важа АЗАРАШВИЛИ
Нани БРЕГВАДЗЕ
Гуджа БУБУТЕИШВИЛИ
Роин МЕТРЕВЕЛИ
Ирма СОХАДЗЕ
Александр ЭБАНОИДЗЕ

Армения
Каринэ ХАЛАТОВА

Беларусь
Валентина ПОЛИКАНИНА

Великобритания
Князь Никита ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ

Израиль
Давид МАРКИШ

Россия
Заур КВИЖИНАДЗЕ
Елен ДОРИС

Франция
Граф Петр ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
C-24

РУССКИЙ КЛУБ

№12 (218)
Декабрь 2023

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

საზოგადოებრივ-მხატვრული გამოცემა

საზოგადოებრივ-მხატვრული გამოცემა

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 «КАРТИНА МИРА» В ТБИЛИСИ
ЮЛИЯ ТАНАКОВА
- 8 НАНА И ЕЕ АНГЕЛЫ
НИНА ШАДУРИ
- 13 СВЕТ РОЖДАЕТ СВЕТ
- 15 РАССКАЖИ МНЕ О ГРУЗИИ
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДЗЕ
- 21 ПОНИМАНИЕ *ДРУГОГО*
ТАМАРА С. НЕМЧИНОВА
- 24 О СУДЬБЕ, НОСТАЛЬГИИ И УДОВОЛЬСТВИИ
АНАСТАСИЯ ХАТИАШВИЛИ
- 28 ЧТО СИЛЬНЕЕ: ТРАДИЦИЯ ИЛИ ЭКСПЕРИМЕНТ?
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 32 ЮБИЛЕИ ГОДА УХОДЯЩЕГО
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 38 ПО ДОРОГАМ СУДЕБ МОИХ ПРЕДКОВ
МИЛА ГАБРИЭЛЬ-КАДЖАЯ
- 42 «ЕСЛИ СЕРДЦЕ ПОЕТ...»
ЮЛИЯ ТУЖИЛКИНА
- 45 «И ЭТО БУДЕТ РОК!»
НИНА ШАДУРИ
- 49 НА РЫБАЛКЕ
ТАТЬЯНА АСТРИТ
- 50 «МНЕ ПРЕДЛАГАЛИ ВЫСТУПАТЬ ЗА США, ФИНЛЯНДИЮ И
НОРВЕГИЮ, НО...»
ТЕНГИЗ ПАЧКОРИЯ
- 52 «ВСЕ В НЕМ БЫЛО НЕОБЫЧНО...»
- 53 ФЕСТИВАЛЬ – ЭТО ПРАЗДНИК КИНО!
ЕЛЕНА ГАЛАШЕВСКАЯ
- 54 «ВО СПАСЕНЬЕ ВЕКАМ...»

от дяди

Роб АВАДЯЕВ

ПЕРВЫЙ ПОСЛЕ ВЕРДИ

Этот итальянский великий оперный композитор поистине считается гордостью Италии, страны не обиженной во все времена бесчисленными музыкальными гениями. Блестящий мелодист и умелый мастер музыкального сценического действия, Джакомо Пуччини родился 22 декабря 1858 года в итальянском городе Лукка в музыкальной семье, где было семеро детей. Музыкантом был еще дед Джакомо, и по семейной традиции его стали учить музыке с самого детства. Первый учитель – родной дядя, человек строгий до жестокости, безжалостно пинал его по голени, когда мальчик брал на фортепиано не ту ноту. Оттуда у Пуччини на всю жизнь была физиологическая болезненная реакция на любую фальшивую ноту. Уже в юности Джакомо преуспел в исполнительском умении и даже подрабатывал органистом в церкви. Но однажды он услышал «Аиду» Джузеппе Верди – и заболел оперой, решив стать композитором для театра. Как он в дальнейшем писал: «Бог дотронулся до меня мизинцем и сказал: «Пиши для театра и только для театра». И Джакомо Господа не подвел – всю жизнь Пуччини, а правильнее Джакомо Антонио Доменико Микеле

Секондо Мария Пуччини, трудился во славу оперного искусства, создав ряд небитых, как сказали бы современные молодые люди, шедевров. «Манон Леско», «Богема», «Тоска», «Мадам Баттерфляй», «Ласточка» и другие. Умер он от инфаркта в разгар работы над новым произведением – оперой «Турандот». Заканчивал оперу его друг Франко Альфано. На ее премьере великий итальянский дирижер и другой друг Пуччини Артуро Тосканини остановил оркестр на том месте, где оборвалась жизнь Пуччини. Он положил палочку, обернулся в зал и сказал: «Здесь смерть прервала работу над оперой, которую маэстро не успел завершить». Теперь многие тут делают остановку, это традиция.

А еще Пуччини подарил современному модникам... галстук-бабочку. В день премьеры музыканты оперного оркестра повязали бабочки в честь героини его оперы «Мадам Баттерфляй» – это по-английски «бабочка».

НАСМЕШЛИВЫЙ СЛОН

Если и есть на свете самые гениальные скульпторы за последние пятьсот лет, достойные славы древних греков – настоящих мастеров в искусстве вааяния, то это, конечно же, Микеланджело, Бернини, Торвальдсен и Роден. Вот об одном из них – невероятном гении Джованни (Джан) Лоренцо Бернини мы сегодня и поговорим. Этот скульптор, архитектор и создатель стиля «барокко» в искусстве. Кроме того он был художником, оформителем спектаклей, в которых частенько играл сам, и даже автором и постановщиком сорока комедий. Как человек близкий к театру, Бернини рисовал, проектировал декорации, оформлял спектакли и создавал театральные машины. А еще он был, говоря современным языком, выдающимся дизайнером того времени, проектирующим лампы, столы, зеркала, столовые приборы и даже кареты. А его архитектурные проекты просто не счесть – церкви, капеллы, дворцы и другие светские здания. А еще знаменитые римские фонтаны и даже надгробные памятники. Не считая целой серии временных конструкций из гипса и дерева, возведенных для похорон и пышных карнавалов. Плюс к тому Бернини увлекался графикой и первым начал рисовать шаржи(!)

Что до его гениальных скульптур, то в мастерстве отделки мрамора он настолько опередил современников, что создавалось впечатление, будто у Джан Лоренцо мрамор был мягким, как воск, который потом застывал. Сам он шутил, что он лепит, а не ваяет. Его скульптуры были часто

многоэлементными и многофигурными. Как любитель театрального действия, Бернини старался добиваться драматического эффекта восприятия. Его самые знаменитые шедевры – «Аполлон и Дафна», «Экстаз святой Терезы», «Похищение Прозерпины», «Мученичество святого Лаврентия», скульптурные портреты-бюсты римских пап, епископов, короля-солнца Людовика XIV, самого кардинала Ришелье, многих других именитых современников и даже фигуры на мосту Святого Ангела, а также киворий в виде ротонды с витыми колоннами перед алтарем ватиканского собора. Ну и, конечно же, самая знаменитая овальная площадь с двумя фонтанами и обелиском в окружении мощных четырехрядных колоннад перед собором Святого Петра – это поистине самый большой и крутой архитектурный ансамбль Италии XVII века.

Этот неаполитанец по рождению был феноменально гениален, невероятно трудолюбив, разносторонен до необычайности, разнообразен в творчестве и невероятно результативен. Хотя, и в его жизни случались неудачи – когда Джан Лоренцо строил храм Святого Петра, его колокольни начали проседать из-за мягкого грунта и трескаться. Коллеги-конкуренты подняли, как бы сейчас сказали, хайп, стали подрыывать его репутацию, в надежде перехватить многочисленные заказы удачливого до сей поры конкурента. Бернини был буквально раздавлен. Законченная северная башня и незавершенная южная были снесены в 1646 году по приказу папы Иннокентия. Бернини пришлось оплатить эти работы. Это на какое-то время подорвало его благополучие, хотя проведенное тридцать пять лет спустя папское расследование реабилитировало Джан Лоренцо, выяснив, что это его предшественник заложил слишком слабые фундаменты. А еще Бернини очень обиделся на некрасивое поведение коллег, особенно на другого скульптора и архитектора – его непримиримого конкурента и врага Борромини и поддерживающих его доминиканцев. И более того, Бернини отомстил, когда ему пору-

чили изготовить обелиск, используя древнеегипетскую стелу, напротив церкви Санта-Мария-сопра-Минерва. Бернини нарисовал, а его ученик Эрколе Феррата изваял статую слона, на спине которого установили эту самую египетскую штуку. Получилось симпатично и... весело. Весь Рим ходил, хохотал, развлекался и улюлюкал, указывая пальцами на слона. Слон неприметно нахально улыбался, его хвостик был отведен в сторону, а задние ноги чуть напряжены, будто слоник собрался... навалить кучу. Дело в том, что зад слона направлен точно на штаб-квартиру доминиканского ордена. Насмешник Бернини был отмщен. Он был веселым человеком, легким и не злым, как многие удачливые люди. Будете в Риме, посмотрите его шикарные фонтаны, и в особенности фонтан «Четырех рек» на Пьяцца Навона, побывайте на овальной ватиканской площади, зайдите в церкви, где установлены его скульптуры... и не забудьте про насмешливого слона, неподалеку от знаменитого Пантеона.

ЖУКОВСКИЙ НА 2/3, ПУШКИН НА 1/3

Ну, не было поначалу внятного, единого российского гимна, ни в допетровские времена, ни при царь-реформаторе, ни почти весь восемнадцатый век! Разве что, в конце царствования Екатерины Великой использовалась торжественная песнь «Гром победы раздавайся! Веселися храбрый Росс!» сочинения нашего замечательного поэта Гавриила Романовича Державина и композитора польско-белорусского происхождения Осипа Козловского. Она была написана по поводу взятия Суворовым турецкой крепости Измаил. И несмотря на то, что текст был архаичным даже для восемнадцатого века, а незатейливая музыка тоже волнительного трепета не вызывала, само сочинение стало настоящим шлягером популярным в обществе, но и только. Для империи требовался настоящий гимн. Этим озаботился государь Александр I, и не придумал ничего лучше, как использовать английский гимн «God save the King» на стихи В. А. Жуковского. Гимн Высочайше утвердили в

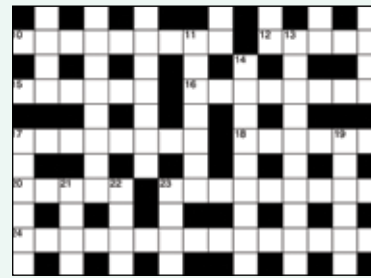
1816 году. Там были такие слова:

«Гордых смирителю,
Слабых хранителю,
Всех утешителю –
Все ниспосли!»

Немного заковыристо и весьма пафосно, не находите? Да и запоминаться непросто. А заучивать его приходилось в обязательном порядке повсеместно. Но спустя несколько лет, в 1833 году следующий император Николай Павлович побывал с визитом в Вене, где в честь него исполнили гимн Великобритании. Его Величество был, как патриот своей Державы, недоволен и повелел исправить упущение. Пришлось придворному композитору Львову срочно сочинять музыку, а поэту Жуковскому переписывать текст, что, впрочем, в российской истории случилось в первый, но не в последний раз. Новый гимн, исполненный 18 декабря того же года, получился очень торжественным, красивым и вполне доходчивым. И очень легко запоминающимся, благо выучить его шесть строк было несложно всем жителям огромной страны. Он стал официальным гимном Российской империи «Боже, Царя храни!» Вот такая история. Но есть одна забавная деталь – Василий Андреевич на самом деле написал не весь текст, а только две трети. Вторую и третью строку ему подсказал его младший друг, наш великий Александр Сергеевич Пушкин.

ПЕРВЫЙ КРОССВОРД

Официально считается, что первый кроссворд – популярная головоломка, где надо вписывать слова в клетки по вертикали и горизонтально, был впервые опубликован 21 декабря 1913 года в воскресном номере газеты «New York World». Его составил журналист Артур Уинн. С этого момента кроссворды прочно заняли свое место в колонках многих газет и журналов, как ежедневных, так и в специальных изданиях. Люди полюбили их разгадывать. Так что, выходит, что кроссвордам всего сто десять лет? А вот и нет – среди стран, претендующих на приоритет Италия, Англия, Южная Африка и Америка. Самый первый кроссворд был опубликован еще в 1875 году в сентябрьском номере нью-йоркского журнала «Святой Николас». Но специалисты утверждают, что нечто похожее на наши кроссворды появилось еще в античности в I-IV веках н. э. А во время раскопок в Помпеях, была обнаружена головоломка, удивительно напоминающая современный кроссворд, которую ученые датировали 79 годом н. э. И это логично, многие люди в разные времена вполне могли дойти до идеи такой

понятной и занимательной головоломки. Сейчас на свете существует множество видов кроссвордов – сканвордов, венгерских, английских, африканских, эстонских, японских и многих других. Есть даже трехмерные кроссворды спейсворды. А знаменитый писатель Владимир Набоков придумал для кроссвордов русское слово «крестословица». Во многих странах существуют клубы любителей кроссвордов и проводятся соревнования по разгадыванию и составлению новых.

СТОЛЕТИЕ ВЕЛИКОЙ ПЕВИЦЫ

Исполняется сто лет со дня рождения великой и легендарной Марию Каллас, одной из величайших оперных див XX века. Эта гениальная певица почти тридцать лет доставляла радость и наслаждение любителям классической оперы. Ее драматическое сопрано, необычайно выразительный голос чудного тембра, покорила слушателей с первых же нот. Она была внешне привлекательна, невероятно артистична и обладала огромной харизмой. Каллас сумела сформировать свой внешний облик, что далось ей в молодости с большим трудом, ведь она была полновата, что ее очень расстраивало. Пришлось певице немало поголодать, пока новый образ требовательную Марию не удовлетворил. Что до творчества, то ее певческий репертуар был невероятно широк – от классических опер Верди и Пуччини до музыкальных драм Вагнера. Каллас стала особенно популярна с развитием современной грамзаписи и появлением долгоиграющих пластинок. А еще с ней любили работать новаторы в различных областях искусства – дирижеры Герберт фон Караян, Леонард Бернштейн, кинорежиссеры Лукино Висконти и Франко Дзеффирелли.

«КАРТИНА МИРА» В ТБИЛИСИ

■ Юлия ТАНАКОВА

«Картина мира» – казахстанский социальный арт-проект, путешествующий по странам. Выставка одной картины в Тбилиси прошла в Национальной галерее Грузии.

«Картина мира» представляет собой полотно, на котором свои штрихи, мазки, рисунки и даже шаржи оставили 2050 человек из 197 стран – членов ООН. Этот арт-проект придумал казахстанский продюсер, актер Даут Шайхисламов, его поддержала жена, журналист, публицист, доктор социальных наук Дана Орманбаева. Картина начала свою жизнь в 2021 году на выставке ЭКСПО в Дубае. Именно тогда первый штрих на ней оставил олимпийский чемпион, казахстанский велогонщик Александр Винокуров.

По словам Даны Орманбаевой, вначале было сложно, так как белое полотно пугало людей: «Приходилось многое объяснять: зачем придуман этот проект и почему мы записываем данные людей. В итоге мы собрали большую базу жителей планеты – соавторов картины. Таким образом мы доказываем, что картина подлинная, что эти штрихи нарисовали действительно реальные люди. На первом этапе мазки оставляли

все желающие, мы не смотрели ни на возраст, ни на профессию, ни на национальность. Никаких критериев не было – только воображение и желание оставить штрих».

Как говорят, авторы арт-проекта главная миссия картины – объединять. В 2022 году

«Картина мира» побила рекорд Гиннеса по количеству людей, одновременно передающих кисть друг другу в руки.

«С одной стороны, это картина мира и о мире. Но с другой, она не выбирает ничью сторону. В этом и есть ее уникальность. Представляете, у нас штрихи

Авторы арт-проекта «Картина мира» Даут Шайхисламов и Дана Орманбаева

жителей Южной Кореи находятся рядом с мазками жителей из Северной, что в жизни практически невозможно. Или штрихи США и рядом Китая. Очень много изображений российского флага рядом с украинским. Мы хотим, чтобы этот социальный арт-проект именно объединял, а не выбирал. В этом и есть его высшая миссия», – подчеркнула Дана Орманбаева.

В этом социальном проекте есть и грузинская составляющая, так как еще два года назад свои рисунки на полотне оставили две грузинки: Нино Комладзе и Нино Окуджава. «Моя мама из Казахстана, а папа – из Грузии. Я была в Дубае на ЭКСПО в павильоне Казахстана. И нарисовала флаг Грузии. Мне очень понравилась идея представить на полотне свою страну», – поделилась тринадцатилетняя Нино Окуджава.

Сейчас «Картина мира» проживает свой второй этап: она путешествует по странам с дипломатической миссией. Если ранее на полотне свои мазки оставляли обычные люди, то теперь их оставляют дипломаты, послы и знаменитости.

Выставку в Тбилиси организовало Посольство Казахстана в Грузии. На открытии побывали представители культуры и искусства обеих стран. Начальник департамента международных отношений министерства культуры, спорта и молодежи Грузии Шорена Цицаги так оценила значимость арт-проекта: «Это полотно побывало во многих странах. Я думаю, что это очень важный формат для обозначения роли искусства во всем мире».

Зрители с интересом рассматривали картину, вглядываясь в мельчайшие детали: смайлики, шаржи и случайные мазки, фотографировали элементы и делились впечатлениями. Некоторые подошли к изображению на полотне аналитически. «В этой картине отражены все моменты современной жизни, начиная с государственности людей и заканчивая их бытом.

Это очень важно для понимания того, в каком состоянии находится современный человек и в целом человечество. Авторы не наталкивали людей на какой-то определенный сюжет. Видно, что каждый исходил из своего внутреннего состояния. И в то же время получилась цельная картина, в которой просматриваются элементы классики, постмодерна и даже коммуникационные технологии в виде смайликов. Это все то, что составляет нашу повседневность», – отметил доктор исторических наук Саттар Мажитов из Казахстана.

«Картина мира» пробыла в столице Грузии четыре дня и отправилась в дальнейшее путешествие. Авторы арт-проекта намерены побывать во всех странах, граждане которых оставили штрихи на полотне – ради мира и нашего единства.

НАНА И ЕЕ АНГЕЛЫ

■ **Нина ШАДУРИ**

Она называет себя бродягой по натуре, а свою жизнь – коллажем, мозаикой из домов и дворов, крыш и балконов, окон и форточек, из дорог-дорог-дорог, из поездов, мотоциклов, самолетов, вертолетов, попутных машин, из книг-книг-книг... И, конечно, из людей – самых знаменитых и никому не известных, но всегда интересных и добрых. Ее главный коллаж – фильмы, которые она сняла и снимает. Тут все по-честному – смотрите эти фильмы внимательно, и вы многое поймете про Нану Джорджадзе, многое узнаете про ее жизнь.

А зачем тогда брать интервью, спросите вы? Да затем же, зачем в художественных альбомах размещают укрупненное изображение деталей полотен – чтобы рассмотреть, почувствовать, вникнуть.

Разумеется, все «детали» в нашей беседе мы рассмотреть не смогли – духовный и художественный мир Наны Джорджадзе богат и бесконечен. Как глубокий синий цвет у Кандинского. Но хотя бы попытались. Благо Нана – отзывчивый, увлекающийся собеседник и поразительно искренний человек. Ни капли фальши, ни тени притворства. Таких людей, как говорится, днем с огнем...

– Вам, наверное, все эти интервью страшно надоели?

– Мне нравятся интервью с нетрадиционными вопросами, в свободном формате... Не «где учились» или «что снимали»... Это известно и никому не интересно. А читателю, слушателю, зрителю должно быть интересно. Всегда надо предлагать что-то новое. Поэтому...

– Поэтому я постараюсь не спрашивать вас о том, что хорошо известно. Но первым делом скажу: я понимаю, с кем говорю.

– Я вас умоляю!

– Простите, мне важно это сказать. Дело даже не в оscarовских номинациях, не в победе на Каннском фестивале и десятке других, и даже не в «Нулевом винном меридиане», хотя победа сразу в шести номинациях Международного фестиваля независимого документального кино в Голливуде аналогов не имеет. Просто вы сняли столько замечательных фильмов, которые мне, зрителю, доставили и продолжают доставлять огромную радость, и я не могу не выразить вам свою благодарность.

– Вы смутили меня изначально. Я не смотрю свои фильмы. Но если вдруг случается посмотреть... Сплошные сожаления. Мое отношение к моим фильмам – абсолютно отрицательное! Несмотря на то, что я их люблю. Люблю, потому что, когда снимаю, – живу. Только процесс – подготовка к фильму, съемка, монтаж (обожаю монтаж!) – это и есть жизнь. Как только съемка кончается – я хочу повеситься, застрелиться, лечь и больше не проснуться. Знаете, я почти не смотрюсь в зеркало, не слежу за появляющимися морщинами и не чувствую возраста. Но знаю наверняка: все, конечно, в руках Господа, но я буду жить до тех пор, пока останусь бродягой и буду продолжать снимать кино. А кино для меня – не работа, а праздник.

– Вам повезло. Найти свое дело, которое доставляет радость – счастье.

– Да, это так. В этом счастье много и печали, и грусти, и драмы, всего-всего – я прожила много жизней. Но я счастлива... Прежде всего, потому что у меня были фантастические

родители. Я их не ценила, ругалась, скандалила, сбегала из дома. И только после 45-ти, когда начала стареть (или взрослеть), вдруг поняла – с кем я имела дело. Мои родители, правда, были не от мира сего. Любую, самую обыкновенную вещь, они превращали в праздник, игру, фантазмагорию. Для них ничего материального в этой жизни не существовало – кроме книг, если их можно назвать материальным. А если появлялись две лишние копейки – путешествие. Надо посмотреть мир! Миром был Советский Союз. Но это был огромный мир! Папа всегда приходил домой с песней. Садился за пианино, играл, пел, танцевал с мамой, кружил ее... Жились, сажал меня себе на живот и читал немецкие баллады – громко, выразительно, в лицах. Соседи жалели мою маму – бедная, муж все время пьяный! А папа вообще не пил – он просто пел, правда, не имел ярко выраженного слуха и пел фальшиво, но слышал любую фальшивую ноту – обладал абсолютным внутренним слухом. Вот такой был у меня папа. Как я тоскую по родителям... Пишу им письма и прошу прощения... А вы знаете, что было моим миром в детстве, фантастическим миром? Крыши! Я выросла на Плеханова, в мансарде здания Главпочтамта. Я вылезала из своего крохотного окна и – скакала по крышам. Вспоминаю случай. Мне лет пять, у меня скарлатина, несчастнее меня нет никого на свете. Мы – дети-соседи – поставили рождественский спектакль. А я заболела – сижу в своей келье под покатою крышей, ко мне никого не пускают. Ужасно! До сих пор помню то жгучее чувство несчастья и одиночества. Там спектакль, праздник, а я сижу одна... И вдруг в мое крошечное голубиное окно опустилась зажженная елочка. Вы можете представить, что со мной стало? Это мои мама и тетя лежали на крыше и спускали на веревке елку...

– *Сказка, а не жизнь. Почему же вы воевали с родителями?*

– Воевать начала не сразу. Я была пацаном – гоняла на велосипеде и мотоцикле, играла в футбол и казаки-разбойники, дралась. Играть в куклы было немыслимо! А по понедельни-

кам и четвергам непременно уходила на «шатало» – прогуливала уроки.

– *Видимо, потому что в кинотеатрах в эти дни выходили новые фильмы.*

– Конечно! И со мной ничего не могли поделать. Но училась я хорошо, окончила школу на золотую медаль. Во Дворце пионеров ходила во все кружки. Даже на балет – хотя в ширину была больше, чем в длину. Так вот, прошло время, и вдруг я из сорванца превратилась в девочку. Хорошо помню тот момент... Купили ситец, и бабуля сшила мне платье. Я спускаюсь во двор, между третьим и четвертым этажами вижу свое отражение в стекле и вдруг понимаю, что я – барышня. И вот такой барышней я вышла к своей шпане. Они меня сперва и не узнали. Я превратилась в кокетливую девицу. Стала кривляться, стала влюбляться. Без удержу! Ужаааас! Не ветер, а торнадо в башке! И я начала воевать... Как же меня раздражали замечания и советы родителей! А сейчас думаю – господи, они же во всем были правы... После школы я поступила в Академию художеств. Я училась с талантливейшими, прекрасными людьми, которые потом стали великими творцами, которыми мы гордимся, которых боготворим. Все они были или однокурсниками, или учились на параллельных курсах... Мы приходили утром в Академию, и в двенадцать ночи нас выгоняли оттуда силой. У нас была возможность ходить друг к другу на курсы. Я обошла все – и керамику, и скульптуру, и графику, и живопись, и ткани... Бегала всюду, как только появлялось «окно». А после занятий, конечно, было общение – пели, танцевали, дурака валяли – и не могли расстаться. Да, я воевала! Свобода, свобода – это было главным. А что такое свобода, как ею пользоваться – я не очень и понимала. И не понимала, что родители были моими ангелами. Вообще у меня в жизни много ангелов. Я их встречаю, иногда замечаю и берегу. А иногда – пропускаю, упускаю... И только потом понимаю, что меня посетили ангелы и помогли.

– *Может быть, это отчасти связано и с тем, что связь поколений*

Родители

прервалась? Ценности старших – длинные тексты, медленное кино, тезисы «знание – сила» и «книга – лучший подарок» – молодежи не нужны.

– Если мы будем относиться к своим ценностям так, как вы говорите, то они и правда уйдут в прошлое. Конечно, есть вещи, которые уже изжили себя. Но есть и неизменные ценности. У нас в доме было очень много книг – они лежали везде. И, кстати, когда я снимаю кино, то хочу, чтобы везде лежали книги – на столе, под столом, на полу, на шкафу, на холодильнике... Я к этому привыкла – у нас не было стеллажей. Помню последние мамины дни – она лежала на диванчике, вся обложенная кипами книг. Я ее только такой и видела, такой и запомнила – среди книг. А как читал папа? Он просматривал страницу по диагонали, а потом воспроизводил наизусть. Я так не могу, читаю, как мама, – возвращаюсь к прочитанным страницам, перечитываю, смакую... Потому и люблю книгу в печатном виде, а не электронном. Запах, шелест страниц... Время приносит много нового. А мы относимся к новшествам с пренебрежением – потому что не понимаем и не умеем. Нужно учиться. Молодые рождаются с гаджетами в руках. Поразить их трудно – весь мир у них в телефоне. Если мы хотим, чтобы наши ценности были им интересны, надо все время придумывать новые формы, находить парадоксальный, неожиданный взгляд на те вещи, кото-

рые им как бы знакомы. И тогда они будут тебя слушать.

– Тут, наверное, важно и нужные слова подобрать...

– Конечно! Никакой насмешки! Только слегка капнуть на самолюбие, что они чего-то не знают. Это их задевает – что я, старая калоша, могу их чему-то еще научить. А если начнешь читать мораль...

– Нам читали мораль.

– И кому это было нужно? Как мы реагировали? Извини, спешу, хлопнул дверью и ушел.

– А как вы воспитывали своих сыновей?

– Я их не воспитывала. Дети занимались мои родители. И вложили в них все то, что вложили в меня. А я все время училась и работала. Хотя, бывало, приходила на съемки, держа одного сына на руках, а второго – за руку. Подсознательно у меня было желание – чтобы мои родители и дети меня не стеснялись. А если возможно – то и гордились бы.

– У вас получилось.

– Мне выпало счастье общаться, учиться, дружить, работать с поразительными людьми. Все – одного поля. Поэтому в моей жизни не было плохих людей. Они могли жить в соседней квартире или на параллельной улице – но в моей жизни их не было: они просто испарялись, исчезали навсегда. Мне очень везло.

– А на учителей везло?

– У меня в школе был такой учитель по литературе! Поэт, рассказчик, он заражал любовью к поэзии. Рассказывал о поэтах, которые не были включены в школьную программу. А в Академии я попала к фантастическому Отару Джакели и со второго курса уже работала в его мастерской. Тоже мой ангел по жизни. Ему было семь лет, когда его семья эмигрировала. Спустя сорок лет он, главный архитектор Парижа, вернулся в Грузию с тремя детьми и женой Этери, замечательной пианисткой. Они решили, что дети грузин должны расти в Грузии. Честнейший человек, прекрасный друг и педагог. Общаться с ним было счастьем...

– Учились, работали, все хорошо... Что должно было случиться, чтобы будущий архитектор захотел стать режиссером кино?

– Все было не так. Я с детства хотела быть летчицей. Прыгала с парашютом в парке Муштаид, из окон – с зонтиком в руке... Моя

комната под покатой крышей вся была заполнена самолетами – нарисованными на бумаге, вырезанными из фанеры... А потом, в 14 лет, я увидела фильм о съемках фильма – картину «Пока ты со мной» с Отто Фишером и Марией Шелл. Я влюбилась в Отто Фишера с его черными очками, в его образ. Он, режиссер, делает то, без чего я не могу жить – снимает кино! Значит, и я буду делать то, без чего жить не могу! Но в Тбилиси не было киношколы. А в Москву меня, 16-летнюю, никто бы не отпустил. Куда идти? Вроде бы неплохо рисую... Мой брат фантастически рисовал и вообще был потрясающим человеком. И я решила, по его примеру, тоже поступать на архитектурный. Закончила Академию, прошла преддипломную практику в Таллине. Завершив практику на полгода раньше срока, мы с подружкой обошли пешком весь Советский Союз, даже в цыганском таборе жили. А потом я поехала в Москву – меня приняли в аспирантуру. Вдруг я узнаю, что в Тбилиси открывается факультет кинорежиссуры. И я бросила к чертовой матери аспирантуру и диссертацию, примчалась в Тбилиси, сдала экзамены и поступила на курс Тенгиза Абуладзе и Ираклия Квирикадзе. К тому времени Тенгиз уже снял «Мольбу» – мой любимый фильм, а когда мы были на втором курсе, начал снимать «Древо желания». А Ираклий тогда снимал «Горо-

док Анара», и мы всем курсом у него работали. Ираклий, за которого я вышла замуж на 27-й день знакомства, жил с нами с 9 утра до 12 ночи. А потом всех развозил по домам. Точнее, развозила я, потому что он не умел водить машину, я его учила... Помню первый день. Пришел Тенгиз. Сел, оглядел нас, взял дооолгую паузу. И сказал – если из вас выйдет хоть один режиссер, я буду счастлив. Режиссерами стали все.

– Какими учителями оказались ваши мастера?

– Это был очень творческий процесс. Например, они предлагали – попробуйте написать сюжеты, которые вас интересуют, но не берите истории из литературы, пишите свое. Потом были читка и разбор каждого сюжета, который мы приносили – что интересно, а что фигня, что киношное, а что нет, и почему. А что вообще банально. Они нас не щадили... А еще нам преподавали Отар Иоселиани, Ломер Авледиани, Эрлом Ахвледиани, Гиви Сарчмелидзе. Да можно ли было мечтать о лучшем?

– Кто учился на вашем курсе?

– О, это был потрясающий курс! Нас было семеро. Все с высшим образованием. Гогита Чкония, Темур Баблуани, Нана Джанелидзе, Рамаз Гиоргобиани, Зура Инашвили и я.

– А кто седьмой?

– Вот его-то называть и не хочу. На втором курсе к нам присо-

На съемках фильма «1000 и один рецепт влюбленного кулинара»

Рабочий момент. В центре – оператор Михаил Квирикадзе

единились Асхад Абакаров, Гия Матарадзе. Все они были творческие люди, очень талантливые, многогранные, интеллигентные! И все мы дружили, помогали друг другу... Кроме одного однокурсника – того самого, седьмого. Однажды этот человек страшно оскорбил нашу Наночку Джанелидзе, тоненькую, хрупкую, нежную, воздушную, с огромными глазами... Это было так неожиданно и ужасно, что мы сперва даже не поняли, в чем дело. Я опередила всех – от того, что нетерпелива и чрезвычайно эмоциональна. И закричала: «Да тебя и ударить-то нельзя! Как можно о тебя руки пачкать! Вызываю тебя на дуэль, мерзавец! Выбирай оружие, негодяй!» Это вызвало, конечно, всеобщее ржание. И Гогита предложил нам использовать для дуэли кирпичи, которые валялись где-то там неподалеку.

– Да это же эпизод из «1000 и один рецепт»!

– Конечно. И была дуэль на кирпичах. Никто никого не убил, но этот человек стал для нас как отрезанный ломоть. Все. Никто на курсе с ним не znalся.

– Говорят, для режиссера главное – это характер.

– Я вам скажу, что понимаю под характером. Режиссер должен заставить всю команду – а это, если кино полнометражное, минимум 60 человек – делать то, что он хочет. Каким способом? Это и есть характер режиссера. У каждого свой метод. Кто-то создает группе идеальные условия: пре-

красное питание, отопительные приборы на площадке, бассейн и тренажерный зал после съемок... Есть такие режиссеры, которые кроют группу матом, устраивают истерики, кидаются предметами, покидают площадку. Есть те, кто долго, внимательно репетирует. Я, например, не люблю репетировать. Не даю актерам читать сценарий... Знаете, и сейчас, когда я иду на съемку, у меня дрожат поджилки. Я не знаю, что буду снимать. Ничего не знаю. Совершенно опустошена. Я идиотка и бездарность. Какое право я имею снимать кино? Хоть бы я ногу сломала или, в крайнем случае, руку...

– О господи!

– Да, в таком состоянии я иду на съемку. Прихожу. У меня рот до ушей. Начинаю с шутки. Все смеются, расслабляются. И я тоже. И весь процесс превращаю в игру, шутку, удовольствие. «Гениально! – кричу я после первого дубля. – А теперь давай поимпровизируем». Что было до этой сцены, что будет после – мне неинтересно. Мне нужна реакция сейчас, в этой сцене. Я всегда хвалю актеров. И всегда предлагаю новые варианты. И они включаются, импровизируют! Вспоминаю моего любимого Рамаза Чхиквадзе. «Ты гениальный, – говорю ему, – потрясающий. Господи, какой ты красивый!» А он смотрит искоса и отвечает: «Да пошла ты!» И мы оба начинаем хохотать! Знаете, в чем еще сложность? На кино работает очень много талантливых

людей. Но расставить все это на свои места и свести вместе – так сложно! Я не могу вынести, чтобы художник, композитор, актер или монтажер сделали бы без меня хоть один маленький шаг.

– Режиссерский характер.

– Меня так воспитали. Мои родители с детства перенесли все «радости» жизни, которые должны были перенести интеллигентные семьи. Все мои предки были или расстреляны, или сосланы, или высланы... «Наночка, умей все», – говорила мне бабуля. Мама и папа повторяли: «Никогда не знаешь, как повернется жизнь. Ко всему будь готова. Надейся только на себя». Меня научили чинить электрические утюги, стругать доски, шить, штопать, клеить обои... А чему нас учили Тенгиз Абуладзе и Ираклий Квирикадзе? Тому, что в кино надо знать все процессы – от написания сценария до последней перезаписи и печати копий. И я знала и проходила все этапы. Знаете, почему еще это важно? С каждым профессионалом ты можешь говорить на его языке... Но все-таки самое важное в работе – это любовь. Мне важно любить каждого человека в моей группе. Не важно, моет ли он пол или играет главную роль. Иначе я работать не могу. Я влюбляюсь во всех. И они это чувствуют.

– Наверное, потому Пьер Ришар и попросился к вам в следующий фильм? Его поразила атмосфера.

– Он говорил: «Я помню, как мы играли в шахматы, танцевали, пили, пели, гуляли... А когда мы работали? Не могу вспомнить». Вы понимаете, какой это комплимент? Он не мог вспомнить пот, мучения – была сплошная радость! Пьер часто вспоминает один случай на съемках. Надо было перестроить сцену, объявили небольшой перерыв. Актеры спустились в раздевалку – там была фантастическая акустика – и запели. Подбегает Пьер: «Нана, все готово, можем продолжать». А я ему: «Тихо! Послушай, как они поют». Он ошалел. Он представить себе не мог, чтобы режиссер не начинал съемку, потому что актеры решили попеть. И он говорил – в Грузии я наконец понял, что такое жить и наслаждаться жизнью.

– Точно по Мерабу Мамардашвили – «есть у грузин талант радости»...

Руководитель Tbilisi Film Festival Гага Чхаидзе вручает Нане Джорджадзе Почетного «Золотого Прометей»

– Мераб... Наверное, он и есть самый главный ангел в моей жизни. Рыцарь рыцарей. Самой-самой-самой высокой чести, достоинства, благородства. Какое счастье, что его дочка, сестра, друзья собрали его лекции и напечатали. Он ведь не писал, а говорил, беседовал.

– В каком-то смысле – импровизировал. Как я поняла, импровизация для вас очень важна?

– Понимаете, есть вещи, которые трудно рассказать. Как, например, рассказать музыку? Как передать ощущение абсолютного восторга – когда ни вдохнуть, ни выдохнуть, когда все слова банальны? Я приведу вам пример из архитектуры. Это моя первая профессия, и я до сих пор не могу сказать, что с ней рассталась. Архитектура – очень четкая, очень точно распланированная во времени работа, от эскиза до реализации. Но вы знаете, как строил Гауди? Он до последней секунды импровизировал! Считается, что Ле Карбузье первым сделал импровизированное внутреннее пространство. Нет! Первым сделал Гауди. Он сначала поставил столбы, а потом стал вольно их заполнять. Он импровизировал на ходу, меняя конструкцию, разрушая уже построенное и строя заново.

– Заказчик не убил его? Продюсер стройки?

– Вот вы и спросили о гениаль-

ных продюсерах. Таких, как, например, Медичи, без которых не было бы Возрождения. Искусство и творчество требуют безвозмездной любви и самоотдачи. И есть богатые люди, зарабатывающие деньги ради искусства. Их единицы. Эти единицы и привели в мир искусство, породили гениев. Они и сами были гениями, но другой профессии – видеть гениев. Это ведь огромный талант – быть гениальным зрителем, слушателем, читателем, для кого и делается искусство. Эусеби Гуэль, богатейший человек Каталонии, заметил Гауди, стал его главным заказчиком, дал полную свободу, без всяких ограничений в финансах. И Гауди совершил революцию в архитектуре. А Томас Вульф? Он безудержно писал, заполнил рукописями всю свою каморку от пола до потолка. И вдруг ему явился гений – редактор Перкинс. Он разобрал все эти груды, и сделал Вульфу книгу – «Взгляни на дом свой, ангел»... А возвращаясь к вашему вопросу, скажу, что неожиданность, непредсказуемость – это то, ради чего и чем я живу. Как же снимать кино без импровизации?

– А разве нельзя? Сценарий, раскадровка...

– Как говорил гениальный Рене Клер – кино готово, осталось его снять.

– Значит, можно?

– Наверное, так и нужно. Но есть

режиссеры, которые так не могут.

– Как Нана Джорджадзе.

– Да. В моем представлении, по-другому невозможно жить, невозможно творить. Я была на съемках у Феллини. Он снимал «Джинджер и Фред». Что он вытворял на площадке! Бегал, прыгал, пел, танцевал, ухаживал, обнимал, ругался... Он играл все роли всех персонажей на глазах у всех. И свою, в том числе.

– Наша встреча откладывалась, потому что вы заканчивали работу над фильмом. Что это за фильм?

– Это заказная картина о том, как спасти мир, в основном, океаны и моря, от пластика, который отравил все. Мне заказали тему. Все остальное сделала я.

– Ой, что же вы придумали на такую тему?

– Мне захотелось снять японское хайку. Это танка о мусоре. Мне кажется, получилось. У меня был замечательный оператор, мой сын Михаил Квирикадзе. Это как бы документальный фильм, где все кадры поставлены и выстроены.

– Когда начнете снимать новую картину?

– А я ее уже начала. Но остановила из-за этого заказа. Так что работа продолжается.

– Можно спросить, о чем она?

– Можно. О капитане Качарава. О нем сняты документальные фильмы, его именем названо Батумское мореходное училище, в Батуми стоит памятник. А мне хочется рассказать о нем как о потрясающем, глубоком человеке – романтичном, поэтичном, очень мужественном. К счастью, в Грузии были такие люди. Он из их числа – достойнейших грузин. Больше ничего не скажу. Я никогда не говорю о будущих фильмах.

P.S. В этом году Нана Джорджадзе отметила юбилей. Впрочем, она его не отмечала. Нана не любит свои дни рождения и никогда их не празднует. И даже попросила нас не говорить с ней на эту тему и не поздравлять. Мы покорно выполнили просьбу. Но хотим поздравить себя – с тем, что нам выпала радость быть современниками выдающегося режиссера! И пожелать (опять же себе!) регулярно смотреть новые фильмы Наны Джорджадзе еще много-много лет!

СВЕТ РОЖДАЕТ СВЕТ

**11 декабря у нас праздник.
11 декабря родился наш любимый...
Музыкант, поэт, художник?
В общем, наш любимый
АНДРЕЙ МАКАРЕВИЧ!**

А ведь мы счастливые. Нам, в Грузии, есть что вспомнить. Судите сами.

Первый официальный рок-фестиваль «Весенние ритмы» в Тбилиси в 1980 году в состав жюри вошли Гия Канчели, Константин Певзнер, Юрий Саульский... Эти выдающиеся музыканты присудили первое место группе «Машина времени».

«Это был первый на нашей практике фестиваль такого крупного масштаба, – вспоминал Андрей Макаревич. – Длился он не два или три, а целых восемь дней! Групп выступало много, около двух десятков. Слово «рок» было запрещено, поэтому в названии его заменили словом «молодежный» – «фестиваль молодежной музыки». Но было очевидно, что

С Николаем Свентицим

Международного русско-грузинского поэтического фестиваля, организованного опять-таки «Русским клубом»?

А вот несколько лет назад, в очередной приезд в Грузию, представьте себе, не Макаревич произвел впечатление на Тбилиси, а Тбилиси – на Макаревича: он побывал на спектакле в Театре марионеток и.... «Впервые был в театре Резо Габриадзе в Тбилиси, – написал Андрей Вадимович на своей странице

вали не тушуясь. Разумеется, при первых аккордах «Поворота» (ну, как обойтись без этой «старинной народной песни»? – никак невозможно!) весь зал вскочил на ноги. Разумеется, в конце «Машины» не отпустили и снова вызвали на сцену. А когда зазвучала «Свеча», из зала хлынул свет – в воздухе закачались сотни включенных фонариков на мобильных.

Что тут добавишь?

Разве что пропоешь вслед:

это просто ширма. На самом все понимали, что это чистый рок-н-ролл».

А концерт «Джазовые импровизации» на сцене Большого зала театра имени А.С. Грибоедова по приглашению «Русского клуба»? Тогда из-за задержки рейса Макаревич опоздал на несколько часов, и весь зал терпеливо ждал его появления. «Ребята, я перед вами преклоняюсь, – сказал он, выйдя на сцену. – Для того, чтобы продать такое количество времени надо быть, конечно, сумасшедшими».

Минуточку, а как не вспомнить сольный концерт Андрея Макаревича в Тбилиси, в Грибоедовском, в конце 1990-х, и концерт в Батуми в рамках

в Facebook. – Сказка «Осень моей весны». Это бесполезно описывать словами – это надо только видеть. Даже не думал, что что-то еще сможет произвести на меня такое сильное впечатление... А молодежь в городе уже не говорит по-русски. Пять лет назад еще как-то говорили. Спасибо нашим вождям за мудрую внешнюю политику».

И, наконец, совсем-совсем недавно – концерт «Машины времени» в апреле этого года. Вот это был всем праздникам праздник! Спето было много – от «доисторического» (как пошутил Макаревич) до сегодняшнего. Аншлаг – 2500 человек. Возрастной разброс публики – от 25-ти до 75-ти. Разумеется, аплодировали щедро и подпе-

С супругой Эйнат в Грузии

«Место, где свет, было так близко, что можно коснуться рукой...»

И еще: «Мир опять сошел с ума И лишь одно спасет его – Свет рождает свет, А тьма не рождает ничего».

С юбилеем, дорогой Андрей Вадимович!

РАССКАЖИ МНЕ О ГРУЗИИ...

■ Александр ЭБАНОИДЗЕ

Окончание

В ДОРОГЕ

На следующий день мы поехали в деревню. Нас повез мамин брат – дядя Коба. У него была натруженная «Нива», способная забраться в гору к нашему дому. Сашу посадили рядом с водителем – для лучшего обзора, а мама, сестренка и я устроились сзади.

Из Сололака скатились на набережную и вдоль Куры помчались на запад.

В черте города движение было оживленное, и дядя Коба помалкивал. Но как только миновали Дигоми, посмотрел на нас в зеркальце над ветровым стеклом и спросил:

– Мы очень спешим?

– Мы совсем не спешим, – тут же отозвалась мама. – Едем для сашиного удовольствия. Так что главное – осторожность.

– Вас понял... Тем более, что ушосдор в лице этой блондинки желает нам счастливого пути. – Мы проезжали мимо придорожного щита с улыбающейся женщиной. Слегка обернувшись к маме, дядя Коба сообщил: – Отпросился на два дня. Хоть глотну у вас кислорода... – Он помолчал и в раздумье

продолжал. – Не пойму: то ли я врал по природе, то ли жизнь заставляет. Придумал, якобы жена задыхается от аллергии. На тополиный пух! – он хмыкнул по поводу своей выдумки и постучал себя по виску. – И ведь никакой опыт не впрок! Помнишь, как я опростоволосился в молодости? – он глянул на маму в зеркальце. – Буквально сел в лужу!

– Не помню, – холодно сказала мама. Ветер из приспущенного оконца тербил ее волосы, глаза скрывали темные очки.

Дядя Коба обогнал мусоровоз, роняющий из контейнера всякую дрянь и рвань, и стал рассказывать с долгими паузами, как рассказывают автомобилисты за рулем.

– Мне без малого тридцать. Я аспирант. Подающий надежды и кое-что опубликовавший... Среди лета друзья предлагают лететь в Москву. Грандиозный матч, с самим Круиффом! Билетов нет, но ради этого матча им купили абонементы – на весь сезон. Словом, золотая молодежь! Я туда же: иду к своему шефу – директору НИИ, академику, и вру, как мальчишка. – Знаете, говорю я, в Раче, в деревне умер наш дальний родственник. Древний старик, добавляю, чтоб не очень его

расстраивать, но совершенно одинокий, буквально некому беднягу похоронить. Разрешите, говорю, съездить на недельку, сделать все, что полагается. Отдать человеку последний долг. – Академик мой выходит из-за стола, жмет руку в знак соболезнования и проникновенно говорит: «Конечно, Коба. Поезжайте, сделайте все, что нужно. И не спешите». Я и не спешил. Застрял в Москве аж дней на десять. Возвращаюсь. И сразу к шефу. Возникают проблемы. Но, как тактичный грузин, он сначала спрашивает: «Ну, как у вас прошло это дело?» Чтoб не травмировать напоминанием, не говорит прямо – похороны, а «это дело». К тому же подразумевает поминки и все прочие хлопоты. А я, после матча с Круиффом и сопутствующих удовольствий, настолько отвлекся, что все забыл. Забыл, какой повод выдумал, что за «это дело»? И на всякий случай, чтобы впросак не попасть, осторожно говорю: «Вы знаете, это дело отложили».

Мы с мамой рассмеялись. Саша тоже обернулся к дяде Кобе и расплылся до ушей.

– Можете представить лицо моего академика!..

– Да уж! – мама положила руку на заметно польсевший

затылок брата. — И когда ты остепенишься!

Приблизившись к ЗаГЭСу. По новому мосту пересекли Куру. Впереди, у дороги, показался памятник Лермонтову: молодой, красивый, в расстегнутом офицерском сюртуке, он, казалось, шел от воспетого им монастыря в сторону Тбилиси.

Погодя, в низине у слияния Куры и Араги возникла Мцхета. В самом ее центре из лачуг и домишек выросла Светицховели. Вернее, своими размерами он превращал город в скопище лачуг и домишек и стоял, высокий, простой и стройный, как псалом, сказанный мужскими голосами. А из-под небес, точно ангельский отзвук, точно эхо под сводами, ему вторил Джвари. Так они и перекликались тысячу лет: снизу от земли звучал Светицховели, а Джвари откликался из поднебесья...

Все в машине притихли. Дядя Коба тоже помалкивал и искоса наблюдал за Сашей. После Мцхеты он неожиданно свернул вправо с автострады.

— Куда ты? — удивилась мама.

— Так надо! — ответил он.

ИЛЬЯ ЧАВЧАВАДЗЕ

Минут через десять остановились у обелиска Цицамури.

Обелиск в Цицамури

— Саша должен знать это место, — сказал дядя Коба.

Вышли из машины. Обелиск стоял на пригорке у дороги, ведущей в Сагурамо. На фоне бегущих облаков он, казалось, падал. На нем не было никакой надписи — каждый грузин знает, что произошло на этом месте.

Дядя Коба отошел в сторону и закурил. Сестренка полезла на пригорок собирать цветы. Мама велела надеть на нее панамку. Когда я вернулся, она спросила:

— Кажется, вчера вы посетили место Крцанисской битвы.

— Да, — кивнул Саша. — Мы были у обелиска.

— Здесь — наше второе Крцаниси, — сказала мама. — На этом месте 30 августа 1907 года убили Илью Чавчавадзе. — Она отвернулась, подставив лицо ветру и солнцу и, погодя, спросила. — Ты что-нибудь знаешь о нем?

— Конечно! — откликнулся Саша. — Я читал его поэмы «Отшельник» и «Видение». А также повесть «Отарова вдова».

— Он был замечательный писатель и даровитый поэт. Но не в этом его главная заслуга перед родиной. Как некогда Давид Строитель, он спас Грузию от смертельной опасности.

— Разве нам кто-нибудь угрожал?

— Если иметь в виду военную угрозу — нет. Но все сложнее, чем видится на первый взгляд. Казалось бы, заключен союз, к которому мы так стремились. На истерзанной земле воцарился мир. Чего же еще? Разве не прав был твой Лермонтов, когда писал, «И божья благодать сошла на Грузию! Она цвела...» Оказывается, и не прав. — Мама обеими руками пригладив вздыбленные ветром волосы, но как только убрала руки, они опять встали золотистым нимбом. — Нация, как человек, живет, пока жива. Все ее органы должны жить. Выражаясь медицински — функционировать. Мы, врачи, знаем, что бездействующий орган слабеет и может вообще отмереть. Атрофироваться, — говорим мы. Покамест никем не изучено, какие органы атрофируются у нации, свободной от забот о своей безопасности. Нередко взамен отмирающего ор-

гана развивается другой. Так у людей с парализованными ногами необычайно сильные руки... Но я, в сущности, не о том... Стало быть, ты знаешь, что деятельность Ильи Чавчавадзе выпала на вторую половину XIX века. Столетия противоборства с отсталыми восточными деспотиями задержали наше развитие. Европа ушла вперед и энергично вступила в капитализм. Дымили заводы, паровозы и пароходы, а мы по-прежнему тюкали землю мотыгой и ездили на арбе. Приобщение к прогрессу. Капитализация — Илья одним из первых осознал ее необходимость и стал действовать. Создание грузинского банка, привлечение капитала, содействие строительству Закавказской железной дороги и промышленных портов в Батуми и Поти, разработка чиатурских месторождений марганца... Рядом с ним подвизались такие энергичные и просвещенные деятели, как Дмитрий Кипиани и Нико Николадзе. Последний был близок с Герценом и активно сотрудничал в «Колоколе».

Истосковавшаяся по просвещению грузинская молодежь потянулась в российские университеты. Она увлеклась русской культурой, переживавшей пору расцвета. У того же Чавчавадзе слышны отголоски Пушкина и Гоголя. Твой любимый Лермонтов несомненно повлиял на Бараташвили; знаменательно, что именно Илье вручила заветную тетрадку со стихами Бараташвили хозяйка блестящего петербургского салона княгиня Дадиани... Обаяние русской культуры было неотразимо — глубина, благородство, демократичность... Казалось, хоть в этом нам повезло: мы нашли неиссякаемый родник передовых идей и знаний. В Петербурге и Москве, Ревеле и Харькове наши юноши приобщаются к ним и, как сказал поэт, «они назад с познаниями спешат, льды севера расплавив солнцем юга». Им близки Белинский и Добролюбов, Герцен и Толстой. Вот оно, оправдание тяги к России — родственной, православной душе... Но одновременно в самой Грузии проводится постепенная, вкрадчивая русификация. Су-

допроизводство, жалобы, деловая переписка – все ведется по-русски. Издаются русские газеты, журналы, книги. В Тбилиси звучит итальянская опера, но нет грузинского театра. Даже в быту, в обиходе часть городского населения все больше переходит на русский. Наши родовитые Цицишвили превратились в Цициановых, Эристави – в Эристовых, Иашвили – в Яшвилей. Словом, под романтические комплименты, на которые не скупилась правитель Кавказа, грузинская культура медленно угасала... И вот неоценимая заслуга Ильи – он пробудил национальное самосознание и вдохнул новые силы в культуру! В государственных учебных заведениях грузинский язык не преподавался – Илья организовывает народные училища; в Тбилиси распевают итальянцы – рядом с ними Илья возрождает грузинский театр. Он издает журналы и газеты, вокруг которых спланирует писателей-«тергдалеулни» – гордость нашей литературы. Пробуждение самосознания и социальный прогресс – этой могучей упряжке, по убеждению Чавчавадзе, предстояло вытащить Грузию из трясины отсталости. Он так безошибочно понимал сокровенные чаяния Грузии, словно в него переселилась душа Давида Строителя, его разум и воля. Никто со времен великого государя не сделал столько для своего народа... И вот он убит. Здесь, на этом месте. В нескольких верстах от дома. Убит жестоко, вероломно, выстрелом в лоб. Вместе с ним убит слуга Яков и избита жена. Злодеи пытались инсценировать ограбление – стащили сапоги со слуги, унесли бумажник. Но все понимали, что это политическое убийство: проживи Илья еще десять лет, судьба Грузии сложилась бы иначе.

Мама умолкла. Дядя Коба, стоявший поодаль, подошел к нам. Присмотрелся, спросил:

– Ну что? Поехали дальше?

– Сейчас... – вздохнула мама и, повернувшись к пригорку, позвала:

– Тамрико! Мы уезжаем...

– Иду... – откликнулась сестренка.

Мы ждали, слушая в тишине

Памятник М. Лермонтову на Военно-Грузинской дороге

голоса летнего полдня.

– Как подумаешь, что тогда так же стрекотали кузнечики! – взволнованно проговорила мама и прижала руку к горлу.

– Ладно, будет... – дядя Коба подмигнул мне. – У твоей мамки всю жизнь глаза на мокром месте.

– Зато ты у нас весельчак! – с досадой ответила мама. Прибежала Тамрико – запыхавшаяся, румяная, протянула маме восторженный букетик ромашек.

– Положи их вот сюда, – мама подвела ее к обелиску. Сестренка удивленно посмотрела на нее, потом наклонилась и положила цветы к подножию обелиска.

Дальше ехали молча. Даже дядя Коба то помалкивал, то тихонько мурлыкал под нос «Имеретинскую дорожную».

Миновали засыпанный цементной пылью Каспи. В стороне мелькнул стройный купол старинной церкви – Самтависи. Проехали Уплисцихе с пещерным городищем. Навстречу в высоких берегах текла Кура.

Тамрико что-то лепетала про бабочек среди цветов.

– Что же ты ни одну не поймала? – спросил ее дядя Коба.

– Как? – удивилась сестра и показала нам свои маленькие ладошки. – Луками?!

– Сказала бы, я б шапку с козырьком одолжил, – и дядя Коба

опять завел свою бесконечную песенку. Минут через двадцать он раздумчиво поделился: – Чую приближение очередного перекура. Не будь с нами Тамрико, курнул бы на ходу. Но при ней это исключено. Так? – он покосился в зеркальце на маму.

– Так, так, – подтвердила она. – Не отвлекайся.

– К тому же въезжаем в Гори, – сообщил дядя Коба. – Предлагаю на выбор две достопримечательности – старую крепость и домик Сталина. Право выбора – гостю.

ДОМ В ГОРОДЕ ГОРИ

– Вы имеете в виду дом-музей Сталина? – уточнил Саша.

– Именно, – подтвердил дядя Коба.

– А разве он еще работает? – удивился Саша.

– Чтобы избежать закрытия, мы назвали его «Домик Сталина имени Ленина», – сосрился дядя Коба.

– Как это? – не понял Саша.

– Больше его слушай! – усмехнулась мама. – Болтун...

Дядя Коба засмеялся.

– Итак... – он притормозил у светофора. – Ваш выбор!

– Если можно, я заглянул бы в музей, – Саша обернулся ко мне. – Это интересно?

Я пожал плечами.

Музей И. Сталина в Гори

– Не знаю, не видел.

– Мы тоже никогда там не были, – сказал дядя Коба. – Так что, благодаря твоей любознательности пополним свою копилку, – он постучал пальцем по виску.

Остановились на площади, возле которой под громоздким павильоном из розового туфа ютилась ветхая хибара.

– При-вет! – при виде ее дядя Коба растерянно остановился. – А я и забыл...

– Ты о чем? – удивилась мама.

– Мальчишкой я посещал макетный кружок дворца пионеров. Там все делали один макет – вот этот самый домишко. Им были уставлены полки, стеллажи, столы, шкафы. Десятки, сотни домиков Сталина всех размеров, под павильонами и без павильонов, и два или три мавзолея.

– Дядя Коба, ты тоже сделал макет? – поинтересовался я.

– А как же! Кропотливая работа, – он потрогал стену грубой кладки и обернулся к маме. – Помнишь?

– А что я могу помнить?

– Свой лучший макет я притащил домой, маме на рождение... Хотя откуда тебе помнить – ты у нее на руках сидела...

Как ни убог был домишко снаружи, внутри ощущение нищеты усилилось: голые стены, щелястый пол, тряпки и утварь,

какую не взял бы и чугуретский старьевщик – немудрено, что в этом гнезде вызрела лютая классовая ненависть. Но какой же волей надо было обладать, чтобы ютящегося в горийской дыре мальчонку сделать властителем полумира, повелителем грозной державы!

Мы невольно увлеклись – экскурсия заняла больше часа. Когда опять тронулись в путь, дядя Коба сказал:

– Не удивительно, что он не любил приезжать сюда. Ведь эти стены были свидетелями его ничтожества. Великие люди не любят возвращаться в места своего детства.

– Вы считаете Сталина великим человеком? – удивился Саша.

Дядя Коба тяжело кивнул.

– Говорят, он несколько раз тайно появлялся в Гори, – вступила в разговор мама. – Даже во время войны. Якобы, один, без охраны бродил по ночному городу.

– Легенды! – сказал дядя Коба. – В начале тридцатых годов он ехал на отдых в Боржоми. Наши деятели решили порадовать вождя: вместо того, чтобы в Хашури перевести поезд на боржомскую ветку, пустили прямо на Гори. Сталин не сразу заметил это. А когда понял, какой сюрприз приготовили ему романтические землячки, грубо обругал

их и приказал немедленно ехать назад... Хотя вообще-то он был не лишен романтических порывов, особенно в молодости, – продолжал дядя Коба. – Не случайно своей подпольной кличкой он выбрал имя благороднейшего героя Александра Казбеги – Коба.

– Не потому ли и ты так снисходителен к нему, – усмехнулась мама. – Как к тезке...

– Думаешь, он нуждается в моем снисхождении?

– Не знаю, – отмахнулась мама. – Я не хочу о нем говорить.

– Тебя можно понять, – дядя Коба пожал плечами. – Но, поверь, эта личность сложнее и интересней, чем сейчас изображают.

– Я не хочу о нем слышать! – повторила мама с досадой и зажала руками уши.

Некоторое время молчали. Сестренка дремала, положив голову мне на колени. Саша смотрел в окно.

– Какие разные судьбы! – в раздумье проговорила мама.

– Ты о ком? – не понял я.

– О Сталине и об Илье Чавчавадзе. Один жил и умер для своего народа. Другой силой, под пулеметами загонял мир в светлое будущее, в огромную казарму со шпильями и статуями. Он и свой народ принес в жертву утопической идее. А ведь поначалу, пока классовая борьба не ожесточила юного семинариста, он собирался посвятить жизнь любимой отчизне... Похоже, что историческая судьба Грузии все-таки волновала его. В сорок третьем году в Тегеране, когда иранский шах, низко кланяясь, семенил к нему по ковру, он бросил Берии характерную фразу: «Видел бы меня сейчас Георгий Саакадзе...» Возможно, и впрямь в ту минуту его сатанинская гордость утешилась за годы наших унижений.

– Как странно, что их жизненные пути пересеклись, – проговорила мама.

– О ком ты? – не понял дядя Коба.

– Ведь именно у Ильи в «Иверии» Сосо Джугашвили, в ту пору еще не Сталин и даже не Коба, опубликовал свои наивные юношеские стихи.

– У него на всю жизнь сохранился особый интерес к поэзии и поэтам.

– Ты имеешь в виду Паоло и

Тициана? – едко заметила мама.
– Не только, – усмехнулся дядя Коба. – Имя им легион...

ПЕРЕВАЛ

Так, делясь впечатлениями и препираясь, миновали Хашури.

Когда впереди на скале показалась похожая на театральную декорацию Сурамская крепость, дядя Коба сказал:

– Расскажите ему легенду!

Долгая езда и жара разморили меня, я был немногословен.

– По преданию, в ее стены для прочности замурован юноша.

– Знаю, – неожиданно отозвался Саша.

– Ты читал повесть Чонкадзе? – удивилась мама.

– Нет, я видел кино...

Отсюда было рукой подать до перевала. Я попросил дядю Кобу не ехать через тоннель, пробитый под ним, а, ради Саши, подняться на перевал.

Оставили в стороне тоннель, крутыми зигзагами набрали высоту и перевалили «гору Лихскую» – ту самую, что некогда в стремительном марше, по пояс в снегу перекопали воины Давида Строителя. Впереди округло и мягко вздымались поросшие каштанами имеретинские горы с проплешинами на макушках и живописными деревнями на склонах.

Справа от дороги из ущелья подавала голос наша речка, пропустила нас через мост и побежала рядом, беспечно болтая и лопоча. Все примолкли, вслушиваясь, даже двигатель едва урчал, и только камешки из-под колес пощелкивали по низу. Удивительной красоты ущелье открывалось перед нами – с зеленой речкой между лесистыми берегами и голубыми скалами; черные валуны в течении походили на купающихся бегемотов.

Дядя Коба опять завел «Имеретинскую дорожную».

– «Девушка, твое белое платье далеко-далеко уносила река», – мурлыкал он под нос; такие чудные слова в этой песне. – «Хотел бы я знать, кто целовал тебя во сне...»

Вдруг он замолчал и, глядя на нашу речку, вздохнул:

– Воды Иордана!..

Когда проезжали мимо древ-

ней убисской базилики, на дороге вдруг вышел круглый, коренастый старик и решительно поднял руку. Мы остановились. Старик подошел к машине, просунул голову в приспущенное окошко и без долгих предисловий объявил:

– Прошу в мой дом! – У него было румяное, добродушное лицо, заросшее седой щетиной. Он весело и добродушно улыбался. – Прошу в мой дом! – повторил он и попробовал открыть дверцу. – Сегодня у меня внук родился!

– Извините, – сказал дядя Коба. – Мы спешим. К тому же с нами дети.

Румяный старик ничего не желал слышать.

– Какие же это дети! – он весело оглядел нас. – Такие бычки нас обоих за пояс заткнут.

Но мы и впрямь задержались в дороге и теперь спешили.

Старик обиделся, вытащил свою круглую голову из машины и, обернувшись назад, развел руками:

– Слышишь, бичо! Спешат очень. Не могут...

Тут мы увидели второго старика. Худощавый, высокий, в синем вельветовом пиджаке, он, поджав плечи, стоял у обочины и смущенно улыбался. Встретив наши взгляды, он шагнул вперед и, все так же смущенно улыбаясь, потянул приятеля за локоть.

– Наверное, они и в самом деле очень спешат. Не надо людям мешать, – мягко сказал он.

– А разве я мешаю! – возмутился крепыш. – Выпьем по стакану за новорожденного, и пусть себе едут дальше.

Мне стало жалко старика, и я попытался смягчить отказ.

– Мы приедем, когда у вас второй внук родится.

Румяный старик опять повеселел. Опять просунул голову к нам в машину и, смеясь, укоризненно покачал ею.

– Сынок... Думаешь, первый внук-то? Седьмой! – сказал почти с угрозой и округлил глаза. – Седьмой, понял? – Он стал один за другим загибать пальцы и называть имена. – Темури, Тамази, Дато, Нуца... – старик смотрел на свои пальцы ласково, словно это были его внуки. Дойдя до четвертого пальца, он не удержался, засмеялся и погрозил своему указательному

пальцу: видно, Нуца была любимица.

Худощавый старик опять мягко потянул приятеля за локоть.

– Не лезь ты к людям в машину. Какой ты, однако...

Убедившись, что мы не остаемся, толстяк крикнул жене:

– Неси сюда, Мариам! Они не могут! Не связывать же мне их веревкой...

– Бегу, бегу! – отозвалась Мариам. В ту же минуту она появилась с подносом в руках. На подносе стояла наливка в графине, на тарелках лежали сушеный инжир, хачапури и фрукты.

Дядя Коба пожелал счастья дедушке с бабушкой и их седьмому внуку и пригубил рюмку. Саша решил, что и ему нужно сделать то же самое и, смущаясь, проговорил по складам:

– Га-ги-мар-джос!

Румяный старик несколько удивленно выслушал его и расцеловал нас свежими мокрыми губами. Худощавый старик поклонился издали и виновато улыбнулся... Веселая Мариам исчезла так же быстро, как и появилась. Похоже, она была фокусницей – отъехав, мы обнаружили над задним сиденьем стопку хачапури, груши и орешки-фундук.

– Ну, вот мы и дома, – сказала мама. – Даже незнакомые люди рады нам.

ДОМ НА ГОРЕ

Как только у кирпичного завода свернули на крутую проселочную, я попросил дядю Кобу остановиться: дорогу до дома хотелось пройти пешком, своими ногами, чтобы Саша вкусил ее запахи и красоту. Мы переждали, пока вдали смолк звук мотора и развеялась бензинная гарь и пошли – мимо голубых виноградников, мимо домов, родников и заброшенной фермы, все выше выходя из ущелья и вдыхая запах цветов – такой знакомый и мягкий, словно кто-то ласково окликает тебя. А тем временем день склонился к вечеру и озаренные солнцем лесистые вершины гасли одна за другой...

А потом был вечер в отчем доме... Саша растерянно бро-

Фото: Каха Мчедлидзе

дил по комнатам, разглядывал многочисленные фотографии, расспрашивал. На большой фотографии в зале он узнал своего дедушку Александра и долго стоял перед ним.

Первым делом уложили спать сестренку. Пока она не уснула, я сидел подле, положив голову к ней на подушку, а она держала меня за ухо.

Мама наспех приготовила ужин, разогрела хачапури, поднесенные счастливой бабушкой Мариам. Запахло брусничным чаем и земляничным вареньем. Поужинали на балконе. Дядя Коба закурил, облокотясь на перила. Тишину оживлял стрекот кузнечиков. Звук был деловой и звонкий, как от далекой лесопилки. В глубине ущелья прошел поезд, отражаясь огнями в реке. Погода донесла слитный рокот его колес.

К этому времени совсем стемнело и во дворе появились светлячки. Один, другой, третий... Они безмолвно и грустно блуждали по двору, словно искали что-то во тьме.

Зябко кутаясь в шаль, мама сказала:

– По преданию, в светлячках к нам приходят души усопших предков...

Светляки пролетали сквозь частокол из проулка и обрат-

но, летели вверх и вниз, вдоль проселочной и без дороги. В их мерцании все делалось зыбким, бесплотным: ограда ничего не ограждала, стены таяли; зеленоватый огонек, помигивая, пронизал гущу кустарника, загорался и гас в ночном доме, в ветвях деревьев, в черной траве и черном небе...

Саша вдруг отодвинул стул и полез из-за стола.

– Ты куда? – спросил я;

– К ним, – он кивнул во двор.

– Зачем? – встревожилась мама.

– А вдруг они слетелись ради него, – сказал дядя Коба.

Саша засмеялся и сбежал по лестнице.

Но то, что случилось утром, было еще удивительней.

Я проснулся от холода, словно умытый родниковой водой. Синяя панорама гор вокруг была поразительно ясной, могучей и подвижной. Дым из трубы кирпичного завода торчал, как восклицательный знак. Где-то сзади, за домом всходило солнце, и там все сияло, сверкало и искрилось, и казалось, там занимается радость. Над виноградником порхала большая желтая бабочка.

Мы с Сашей спали вместе на старой тахте на краю балкона, но его и след простыл, и постель

остыла. Я прождал с полчаса, то задремывая, то опять просыпаясь. Сквозь дрему в меня закралась тревога: куда он мог деться? Все еще спали, поэтому я не позвал Сашу, а встал и пошел искать.

Облитые росой деревья не шелохнулись. Ничто не напоминало о вчерашнем зное. Откуда-то тонко тянуло цветами и сохранившейся кое-где земляникой.

Я нашел Сашу в винограднике – по шуршанию листьев и вымахавшей в рост кукурузы. Босой, с мотыгой в руках, он мотыжил междурядья и напевал «Имеретинскую дорожную» – видно, подхватил в машине от дяди Кобы.

– Ну ты даешь! – вырвалось у меня. – Давно пашешь?

Сложил руки на черенке мотыги, утер локтем пот со лба – ни дать, ни взять, имеретинский виноградарь в разгар страды.

– Принес бы холодной водицы человеку... – попросил. И добавил: – С Нижнего родника...

– Надо же! – поразился я. – Откуда ты знаешь про Нижний родник?

– Из нашей с тобой переписки, – ответил Саша.

Вот так! Выходит, мои старания не пропали зря, и я рассказал кое-что о Родине...

ПОНИМАНИЕ ДРУГОГО РАЗМЫШЛЕНИЯ ПОСЛЕ ДВУХ КОНФЕРЕНЦИЙ

■ Тамара С. НЕМЧИНОВА

Осень – волшебное время года, тбилисская особенно привлекательна. Приезжая в это время в Грузию, я готова «увидеть Тбилиси и умереть». У Ильи Эренбурга – «Мой Париж», у меня – «Мой Тбилиси». Мой осенний Тбилиси.

Но «умереть» – только метафора, для меня осень – начало, может, потому что я – преподаватель. Большинство людей начинают новую жизнь с 1 января, чаще с понедельника, я – с осени. И так как осень еще и активная пора конференций, то – с конференции. Это позволяет быстро настроиться на рабочий лад, наметить цели, структурировать накопленные за лето знания, оформить идеи. При этом общение с коллегами на научных площадках, новые знакомства делают это мягко, комфортно, почти домашнему уютно (здесь многое зависит от организаторов). Хотя

острых дискуссий, конечно, не избежать.

Природа международных конференций, в принципе, выросла из острой конфликтности. Изначально их задачей была попытка снизить существующее напряжение в международных отношениях. С XIX века конференции были связаны с решением вопросов мира и безопасности, а к концу века стали неотъемлемой частью организации научного познания. Таким образом, площадка для диалога, а в этом и состоит суть любой конференции, получила двойное назначение.

В октябре 2023 г. в Тбилиском государственном университете им. Иванэ Джавахишвили прошли сразу два больших международных научных мероприятия – IX научно-практическая конференция «Развитие грузино-осетинских отношений» и II Международный лингвистиче-

ско-антропологический конгресс кавказоведов. В них приняли участие около трехсот исследователей из Азербайджана, Германии, Дании, Израиля, Иордании, Польши, России, Турции, Швеции и других стран. На протяжении нескольких дней в университете велись междисциплинарные дискуссии с участием лингвистов, философов, политологов, литературоведов, историков, искусствоведов.

В России такой формат научного мероприятия достаточно редок – он сложнее в организации, и, кроме того, не предполагается слишком глубокого погружения в предмет. Потому наиболее эффективными в научном плане представляются конференции, сосредоточенные на конкретной области. Конференции с очень широким охватом научных тем играют, в большей степени, социальную роль. А для международных (иногда и особенно – сегодня) полезно и важно послушать не только себя и коллег – политологов, экономистов, юристов, но и антропологов, этнологов, искусствоведов, литературоведов, философов, т.е. специалистов по таким вопросам, которые являются сущностными для понимания и выстраивания отношений, однако, как правило, остаются за пределами профессионального внимания исследователей международных отношений. Быть узкопрофильным специалистом, конечно, хорошо, но это не исключает необходимости расширения научных горизонтов. Если вы не считаете нужным «вылезать наружу», за пределы своей узкой специализации, то однажды окажется, что ваши знания никому не нужны.

Основатель Института кавказоведения Арнольд Чикобава, которому и был посвящен нынешний конгресс, подчеркивал, что кавказоведение – широкая отрасль, и она не ограничивается только лингвистикой. В 1981 г. он предсказал: «Наступит время, когда состоится первый кавказоведческий конгресс, который объединит все отрасли гуманитарной науки, изучающие Кавказ с той или иной точки зрения».

Кроме того, я убеждена, что проекты подобного формата – образец практического воплощения концепции «мягкой силы».

Науку обычно не рассматривают как ключевой фактор влияния в международных отношениях. Американский политолог Джозеф Най, разработавший данную концепцию, не включил ее в ресурсную базу «мягкого влияния» – он ограничился культурой, политическими ценностями и внешней политикой. Но если наука – сильный ресурс страны, то ее необходимо рассматривать в качестве потенциальной «мягкой силы».

Принципиальное значение в «мягкой силе» имеют не только институты, но и человеческий фактор – личное вовлечение, межличностная коммуникация. Каждый участник конференции должен почувствовать заботу и внимание на большом мероприятии, особенно сейчас, в жестких политических условиях. А для этого просто таланта организатора недостаточно. Необходимы особые человеческие качества: такт, благородство, большое сердце, достоинство – эмпатия в международных отношениях. Приезжая второй год на осенние конференции, я могу оценить масштаб и филигранность организаторской работы руководителя Научно-исследовательского центра грузино-осетинских отношений ТГУ Наиры Бепиевой и директора Института Кавказоведения Мераба Чухуа. А если вы добавите, что здесь не обошлось без кавказского гостеприимства, то я, пожалуй, с вами соглашусь.

Почему я езжу на конференции в такое время? В чем вижу

смысл участия? Я пробую говорить на важные для меня сейчас темы и понимать, насколько я понимаема, услышана. Из знания и понимания я сегодня выбираю понимание, почти аристотелевское, потому что, по Аристотелю, сущность науки не в знании, а в понимании.

В условиях экономического кризиса, пандемии, войны, миграции, столкновений, конфликтов человеку важно вернуться к основаниям бытия, наладить и организовать жизнь в предложенных обстоятельствах, жизнь рядом с Другим, предварительно вспомнив, в чем состоят основания. И ответить на вопрос: «Я и Ты» или «Я или Ты»? (Мартин Бубер).

Две мировые войны впервые обратили внимание философии и литературы на сущность человека, его бытие. Раздумывая над глубокими изменениями XX в., мыслители Запада (М. Бубер, М. Хайдеггер, Г.-Г. Гадамер, Э. Левинас) и советской философии (М.М. Бахтин, В.С. Библер, М.К. Мамардашвили, Э.В. Ильенков) переместили интерес с объекта и поставили вопрос о самом субъекте. В XVII-XX вв. бытие субъекта определялось как движенье мысли, поскольку главным методологическим подходом признавался гносеологический (познавательный) подход с субъектно-объектными отношениями. Ответом познающему разуму (а его природа монологична) стала концепция диалога. Она изменила культурные установки.

Категориальный аппарат, разработанный М. Бубером («отношения», «коммуникация», «между»), тоже используется в международных отношениях, но понятие «диалог» определяется не как взаимодействие, означающее выработку норм как стандарта поведения, а как понимание. Такой подход, по Буберу, уже предполагает не субъектно-объектные отношения – «Я – Оно», а выстраивает субъектно-субъектные – «Я – Ты».

Со времен Вестфальского мирного договора 1648 г. логика международных отношений укладывалась в общую парадигму: организация мира, систематизация, выявление причинно-следственных связей, закономерностей. Отношения

между государствами выстраивались в упорядоченном мире: за «горячей» войной обязательно следовали перемирие и договор о мире. Разобщение людей, достигающее наивысшей точки в «горячей» войне, только кажется непреодолимым. Да, призыв к человеколюбию не слышен, диалог практически невозможен. Нормативность иногда мешает прийти к диалогу, потому что не учитывает или подавляет особенное, индивидуальное. И, тем не менее, логика международных отношений XVII-XX вв. с необходимостью приведет страны к заключению мира.

XX век предъявил новый опыт противостояния государств – холодную войну. С точки зрения международно-правовой терминологии, данная конфронтация не является войной, поэтому логика «горячей» здесь не применима. Разрыв и длительное отсутствие дипломатических отношений между странами, например Грузии и России, также сопоставимы с противостоянием холодной войны. Встает вопрос: какова в этом случае закономерность возвращения к взаимодействию, нормализации отношений?

В указанный период США разработали целый комплекс мер, направленный на строительство долгосрочных отношений, назвав его публичной дипломатией. Целью фактически одностороннего действия, включающего изучение аудитории, информирование ее, например, путем проведения выставок и пр., являлось расширение диалога. Но холодная война показала: когда противостояние заходит слишком далеко, прийти к диалогу можно, если Другой для Я станет уже не вещью среди вещей – Оно (объектом), а целью и смыслом. Обретение смысла – это «Я полагает самого себя через отношение с Другим». Для решения возникшей задачи – превратить «Я – Оно» в «Я – Ты» – требуется опыт совместного присутствия, включенность в настоящий момент, открытость обоих субъектов (без оценок и ожиданий) взаимному влиянию и сосредоточенность на том, что происходит между сторонами диалога (М. Бубер). Квинтэссенцией включенности становится встреча – как реальная, действительная жизнь в про-

тивовес противостоянию – как замиранию жизни. Выйдя из круга причинно-следственных связей свободным от них, войдешь в мир «Я – Ты», в котором основой становится понимание – более сложное понятие в международных отношениях, чем взаимодействие.

Познание, безусловно, облегчает человеческую жизнь. Но отношение «Я – Ты» внутренне, духовно скрепляет мир. Благодаря напряженному усилию внутреннего действия «мир и все существующее в нем приближается ко мне, находит во мне отклик и что-то говорит мне о том, что я не одинок. Ты – выход из мира отчуждения» (Бубер). Поэтому: не «Я или Ты», а «Я и Ты».

Однако концепция диалога Бубера, по мнению Э. Левинаса, остается в той же парадигме, что и «горячая» война. Она не меняет насильственной природы взаимоотношений (логики войны), потому перерастание «Я – Оно» в «Я – Ты» не гарантирует того, что потенциально образованное «Мы» не будет противостоять остальному миру. Природа «Мы» может оказаться насильственной по отношению к Другим. Насилие, по Левинасу, это «любое действие, если совершающий его ведет себя так, словно действует только он один, словно весь прочий мир призван лишь испытывать воздействие». Насилием является и познание, которое «выявляет, дает имена и... классифицирует», которое «схватывает свой объект, овладевает им», отрицая тем самым «независимость» сущего.

Считая отношение с Другим принципиально ненасильственным, Э. Левинас противопоставляет духу войны этику, хотя она не применима к реальному взаимодействию, не может использоваться в конкретной ситуации в качестве прикладной дисциплины, поскольку Другой имеет самостоятельное значение и находится по ту сторону бытия. Поэтому в позиции «ради Другого» не должно рассчитывать на взаимность. Единственный выход от спонтанного «империализма Я» – безоговорочное признание асимметрии между Я и Другим. То есть симметричной взаимности Бубера (где встреча – квинтэссенция) он предлагает

асимметрию этики – единственный выход за горизонт насилия и прежде всего насилия моего Я, потому что именно мое Я – начало опасности для другого.

Поэтому не Бубер или Левинас, а Бубер и Левинас.

Диалог всегда облечен в слово, именно потому обращение к литературе (к эстетике) стало для М. Бахтина основой анализа диалога. Бахтин, рассматривая диалог как сотворчество, соразмышление, преобразует понятие «понимание» во «взаимопонимание»: «Чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полней и глубже (но не во всей полноте, потому что придут и другие культуры). Один смысл раскрывает себя, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом: между ними начинается как бы диалог, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур. Мы ставим чужой культуре новые вопросы, каких она сама себе не ставила; мы ищем в ней от-

веты на наши вопросы, и чужая культура отвечает нам, открывая перед нами новые свои стороны, новые смысловые глубины». Есть надежда, что основа для будущего диалога России и Грузии уже подготовлена образом Грузии, созданным в русской культуре писателями, поэтами, художниками на протяжении XIX-XX вв.

Рефлексия, аналитика, начитанность, знание, холодная голова – все это важно в академическом мире, но для международного диалога, как практика, важны эмпатия и понимание Другого. Иначе невозможны никакие переговорные процессы.

Подобные конференции разрушают барьеры и делают перемены возможными. А если сказать более предметно: международные конференции, прошедшие в октябре в Тбилиси, еще раз продемонстрировали желание кавказских народов взаимодействовать в вопросах региональной безопасности, культурного сотрудничества и научного обмена.

О СУДЬБЕ, НОСТАЛЬГИИ И УДОВОЛЬСТВИИ

■ Анастасия ХАТИАШВИЛИ

Николая Цискаридзе я впервые увидела... нет, не на сцене, а в 2015 году, когда он посетил родной Тбилиси для участия в презентации фотоальбома о собственном творчестве. Тогда в Парламентскую библиотеку пришло просто несметное количество народа. В тот раз к Цискаридзе было не пробиться. Личная встреча состоялась спустя четыре года. А потом мне невероятно повезло: у нас с Николаем Максимовичем случилось несколько интересных продолжительных бесед по телефону – он вел колонку для одного информационного агентства, а я была его редактором. Так завязалось наше сотрудничество. И каждого телефонного звонка я ждала, как долгожданной встречи с Мастером, который рассказывал удивительные вещи, говорил мудрые слова, а часто просто громко и заразительно смеялся в трубку. Какой же это жизнерадостный смех!

31 декабря Николаю Цискаридзе исполнится 50 лет. Полве-

ка яркой жизни, блистательной карьеры и бесконечной любви поклонников. И меньше, чем я могу поздравить гениального во всех смыслах человека (ну, кроме того, что послать поздравление ему в Whatsapp) – это написать о нем на этих страницах, рассказать о нем настоящем, о том Цискаридзе, которого знаю и которому благодарна за его великое искусство и великую человечность.

Несмотря на то, что Н. Цискаридзе всегда называет себя русским артистом, представителем русской культуры и российским подданным, от своих корней не убежишь. И внешне, и внутренне он грузин. В Тбилиси маленький Ника жил в районе Сабуртало. Мама, Ламара Николаевна Цискаридзе, работала педагогом физики. Она вообще была уникальной женщиной: одновременно антикоммунисткой, сталинисткой и крайне скрытной натурой. Рассказывала сыну о происхождении его семьи и рода ровно столько, сколько считала нужным. В их доме никто не смел

лезть в личное пространство другого.

В семье Николай говорил с мамой и отчимом на русском, с няней – на украинском. Примерно с марта по октябрь будущий артист жил на даче в Цхнети. Учился в публичной школе на Бахтриони. Мама брала Нику на самые лучшие концерты, няня знакомила мальчика с бессмертными произведениями Шекспира и Толстого.

«Детство у меня было абсолютно светлое, веселое. Тбилиси был шикарным в те годы», – часто вспоминает он. – Мое самое светлое воспоминание о Тбилиси – мне 11 лет, я уже танцую в театре оперы и балета, и после репетиций мы с друзьями ходим гулять. Доходили до фонтана у бывшей гостиницы «Иверия», оттуда открывался очень красивый вид на город, и там продавали самое вкусное в городе мороженое. Мы сидим у фонтана и едим мороженое».

Город-праздник. Именно таким запомнился Николаю родной город, с его многонациональным народом, человеческой и клима-

тической теплотой, праздниками разных конфессий: «Сначала начинался Рамадан, потом Суб-Саркис, после – Пурим, затем католическое Рождество, после католического – православное Рождество. И так круглый год. И мы все время ходили в гости, и все друг друга угощали. Мой дедушка жил на улице Калинина, в его дворе были семьи разных национальностей, и всегда кто-то что-то готовил и угощал всех».

В балет Ника влюбился с самого раннего детства – так же сильно, искренне, естественно и органично, как ребенок в сказку. Балет выковал у него стальной характер. Научил никогда не сдаваться и всегда превозмогать себя. В 1984 году Цискаридзе поступил в Тбилисское хореографическое училище. А в 1987-м переехал в Москву, продолжил учебу в Московском хореографическом училище. К слову, маме Ники пришлось расстаться по этой причине с мужем: она выбрала будущее и карьеру сына.

Но карьера строилась не сразу. В московском училище мальчика приняли далеко не с

восторгом. «Чучмек, из аула», – иронично вспоминает Цискаридзе о тех прозвищах, которые ему давали. И подчеркивает: «Я очень горд, что вырос в Тбилиси, в прекрасном советском Тбилиси, где не было национальностей. Я много раз об этом рассказывал: приехав в 13 лет в Москву, я был лишен какой-то конфликтности, у меня не возникло никакого комплекса».

Но комплексы были у других. Да и Николай, действительно, сильно отличался от своих сверстников. Николай был очень умен, начитан, прекрасно воспитан, наконец, имел колоссальные физические возможности и пропорции, которые, по его же собственному признанию, делали из него белую ворону. «Я никогда в жизни ни с кем не соревновался, – вспоминал Николай. – Я занял свое место в балете настолько отдельно от всех, что никогда не пытался конкурировать ни с кем. Когда-то в детстве, когда я учился в школе, услышал одну фразу Марии Каллас и подумал, что буду ею руководствоваться в жизни. Она сказала очень просто

– если когда-то найдется кто-то, кто будет петь ее репертуар на том же уровне, тогда она и будет волноваться, но поскольку такого человека на земле не было, то она может жить спокойно. То же самое было со мной. Я никогда никому не завидовал».

Окончив класс профессора Пестова в 1992 году, Цискаридзе стал стипендиатом международной благотворительной программы «Новые имена». И в том же году по приглашению балетмейстера Юрия Григоровича был принят в балетную труппу Государственного академического Большого театра России. Сам Николай страстно желал служить в Большом и никогда не сомневался, что так и будет, ибо балет и Большой театр – это не выбор, а призвание. Хотя призвание сложное. Но мальчик из интеллигентной грузинской семьи сложных вызовов не боялся. Он много трудился над собой – у педагога Петра Пестова иначе было нельзя. Но, как тогда говорили, кто к Пестову попадает, тот будет звездой, потому что этот человек привык добиваться от своих уче-

ников фантастических результатов, и никак меньше. Да, Пестов бывал жесток, требовал от учеников казалось бы невозможного, но спустя годы Цискаридзе поймет – только так и нужно было заниматься. Уже будучи танцовщиком Большого театра, он позвонил Пестову и признался: «Я буду всю свою жизнь стоять перед вами коленопреклоненным. Потому что вы меня выучили так, что даже если меня попытаются убить на сцене, я все равно буду двигаться до тех пор, пока не закончится моя роль».

А потом понеслось: сначала кордебалет, потом сольные партии, следом громкий взлет в 90-х, блеск и оvation, главные роли, победы, признание, звания. Цискаридзе исполнял ведущие партии в таких балетных спектаклях, как «Спящая красавица», «Жизель», «Сильфида», «Баядерка», «Щелкунчик», «Раймонда», «Пиковая дама», «Лебединое озеро», «Дочь фараона», «Собор Парижской Богоматери»... Восторженные критики разводили руками: благодаря природным данным и могучему дару танец Цискаридзе был «технически безупречен» и полностью соответствовал канонам классической балетной школы, что, в сочетании с духовным наполнением каждой роли и актерским мастерством, позволяло называть его исполнение «эталонным».

Впечатляющие творческие достижения Цискаридзе отмечены множеством наград и профессиональных премий. В частности, в 1995 году танцор получил серебряную медаль Международного конкурса артистов балета, проходившем в Осаке, а в 1997-м на таком же конкурсе в Москве был удостоен первой премии и золотой медали. В том же году Цискаридзе стал заслуженным артистом РФ, а в 2001 году – Народным артистом России. В 2001 и 2003 годах становился лауреатом Государственной премии России, а в 1997, 1999 и 2003 годах – лауреатом театральной премии «Золотая Маска». За вклад, внесенный им в хореографическое искусство, Цискаридзе в 2003 году был награжден орденом Чести (Грузия), а в 2006 году стал кавалером французского Ордена искусств и литературы.

Конечно, бывали трудности

и падения, которые били по нервам и репутации. Особенно болезненными и резонансными стали скандалы, связанные с тем, что Цискаридзе критиковал процесс реставрации Большого театра и обвинял его руководство в некомпетентности, а также «кислотная атака» на худрука балета Большого театра Сергея Филина, в которую косвенно вовлекли и Цискаридзе.

У Николая сложился имидж «сложного» артиста (некоторые называют его конфликтным и даже капризным), потому что он был честен, имел свое мнение и всегда шел своим путем – во имя большого искусства, а не денег и должностей. И самое главное: Цискаридзе всегда купался в любви зрителей, на все его спектакли билеты раскупались в мгновение ока. Однако после этих громких историй отношения Цискаридзе с администрацией Большого театра обострились до предела. 1 июля 2013 года артист был вынужден покинуть Большой в связи с истечением срока трудового договора, который не был продлен.

Тридцать лет яркой, бурной, безумно красивой и успешной сценической деятельности и жизни, в которой был только балет, балет, балет. Николаю Цискаридзе исполнилось 40 лет, и он понял, что «наелся». По его словам, когда приходит опыт, уходит прыжок. Последним спектаклем на сцене Большого театра стал «Жизель». Он дотанцевал и достойно ушел со сцены.

28 октября 2013 года по решению Минкульта РФ Николай Цискаридзе в качестве исполняющего обязанности ректора возглавил Академию русского балета имени А. Вагановой в Санкт-Петербурге, старейшую балетную школу России и одну из лучших профессиональных школ мира (в этом году исполнилось 285 лет со дня ее основания), а спустя год – был избран ректором. Уже за первые несколько лет Цискаридзе доказал, что он не только большой артист, но еще и талантливый администратор, и прекрасный педагог. И доказывает это до сих пор. Кроме того, Цискаридзе много работал и продолжает работать на телевидении («Шедевры мирового музыкального теа-

тра» на телеканале «Культура», «Танцы со звездами» и многие другие проекты). А потом в жизнь Николая (а он говорил, что «если писать, то только, как Лев Толстой») пришла и литература, точнее, мемуаристика. «Если бы не пандемия и карантин, я бы никогда не рискнул», – признается знаменитость. Сегодня эту книгу, «Мой театр», 600 страниц потрясающих воспоминаний, называют одной из лучших в своем жанре.

Цискаридзе – харизматичная личность, а его эрудиция, независимость и острота суждений превращают каждое высказывание в событие, отмечают издатели. «Автобиография «Мой театр» создана на основе дневников 1985-2003 годов. Это – живой, полный тонкой иронии, юмора, а порой и грусти рассказ о себе, о времени и балете, – говорится в аннотации. – Воспоминания: детство, семья, Тбилиси и Москва, учеба в хореографическом училище, распад СССР, отделение Грузии; приглашение в Большой театр, непростое начало карьеры, гастроли по всему миру; признание в профессии, но при этом постоянное преодоление себя, обстоятельств и многочисленных препятствий; радость творчества, несмотря на интриги недоброжелателей. История жизни разворачивается на книжных страницах подобно детективу. На фоне этого водоворота событий возникает образ уходящего Великого Театра конца XX века. Вырисовываются точные, во многом неожиданные, портреты известных людей, с которыми автору посчастливилось или не посчастливилось встретиться. Среди героев и антигероев книги: Пестов, Григорович и Пети, Семенова и Уланова, Максимова и Васильев, принцесса Диана и Шеварднадзе, Живанши и Вествуд, Барышников и Волочкова, Швидкой, Филин и многие другие. А судить: кто есть кто – привилегия читателя».

Мне удалось поговорить с автором этой книги, великим артистом балета Николаем Цискаридзе перед его юбилеем. Получился блиц – откровенный, искренний.

– Николай Максимович, как вы относитесь к приближающемуся юбилею – к дате 50 лет?

– Не очень. Я не особо люблю праздники и дни рождения. Как бы я ни относился к этой дате, ничего не поменяется.

– Кто сформировал вас как личность?

– Вообще все, кто меня окружал. Мама, няня, много разных педагогов. Дома было хорошо. Потом я изменился. В Хореографическом училище все стало сложнее. Но что касается мамы... Мне кажется, что у всех детей хорошие родители.

– Самый трудный жизненный момент?

– Было очень трудно, когда я получил травму. Была неопределенность, я не знал, как жить дальше.

– Когда врачи сомневались, сможете ли вы вернуться к балету?

– Да. Это длилось почти год. Было нелегко. Но это просто надо было прожить.

– А самый блестящий период?

– Очень насыщенный 2001 год. Там очень много всего было: и «Пиковая дама», и Парижская опера... Все-все-все было. Поэтому тот год вспоминаю с ностальгией. Но это хорошая, светлая ностальгия.

– Балет это ваша судьба? Вы верите в это?

– Но уже никуда не денешься, уже судьба. Просто так случилось, что для балета у меня были

все способности.

– «Балет я люблю больше себя» – это ведь ваша фраза?

– Я так объясняю детям: «Я вас очень люблю, но балет я люблю больше». Просто это служение. И если ты служишь, то служить надо до конца.

– Вы блистали на сцене, сейчас вы педагог. Вам дороги и близки обе ипостаси вашей личной эпохи?

– У всего свое время. К сожалению, артистом быть всегда нельзя. Это заканчивается. Потому что я с большой радостью это закончил.

– Вы как-то говорили, что и не скучаете по тому периоду.

– Вообще не скучаю.

– Какими своими учениками вы гордитесь?

– Ой, их так много! Прежде всего я горжусь, когда понимаю, что мои силы приумножены, что ученики сделали больше, чем я хотел. И очень радуюсь.

– А когда вы это понимаете?

– Когда получаю удовольствие от того, что они делают.

– В 38 лет вы получили диплом юриста. Можно ожидать каких-то еще кардинальных изменений?

– Да, конечно. Абсолютно. Лени Рифеншталь занялась дайвингом, когда ей было за 80. Так что все возможно.

– В какую область вас может по-

тянуть?

– Не знаю. Не представляю. Я, например, никогда не думал, что буду заниматься образованием, что стану ректором.

– У вас вышла книга, и она – бестселлер. Как вы смотрите на свою литературную стезю?

– Только с юмором.

– Будете продолжать?

– Да. Вторая книга должна выйти уже в декабре. Так сразу было решено.

– Николай Максимович, какие у вас сейчас сильные качества?

– Я стал спокойнее. Меня тяжело расстроить. Раньше больше переживал.

– Как выработали эту привычку – не переживать?

– Жизнь заставила. Жизнь скорректировала планы.

– А какой ваш самый большой недостаток?

– Я очень доверчивый человек.

– Но упрямство ведь осталось? Упорство идти до конца?

– Конечно! Я же Козерог и Бык!

P.S. В интервью журналисту и видеоблогеру Николаю Солодникову на вопрос, в чем смысл жизни, великий артист, не задумываясь, ответил: «Остаться человеком. Это самое сложное». Так Николай Максимович и живет. В этом – весь Цискаридзе.

«Почему ребенок варится в мамалыге»

ЧТО СИЛЬНЕЕ: ТРАДИЦИЯ ИЛИ ЭКСПЕРИМЕНТ?

— Инна БЕЗИРГАНОВА

Тбилисская театральная осень, наступления которой всегда с нетерпением ждут зрители, в этом году несколько обманула их ожидания. Все предвкушали встречу с мировыми звездами – американцем Джоном Малковичем (он уже был гостем Тбилисского международного театрального фестиваля в 2011 году и триумфально открыл его моноспектаклем «Адская комедия: исповедь серийного убийцы») и литовкой Ингеборгой Дапкунайте, которые должны были выступить в постабсурдистской драме «В одиночестве хлопковых полей» французского драматурга Бернара-Мари Колтеса в постановке российского театрального и оперного режиссера Тимофея Кулябина. Большую роль в так и не увиденном нами спектакле играют звуковой дизайн и видео-партитура. С помощью современных видеокамер создается не просто эффект «крупного плана», но и некое медиа-действие, живой видеоарт. Жаль, что тбилисцам так и не довелось посмотреть это зрелище и насладиться игрой знаменитостей. «Подвело» здоровье Малковича – увы, никто не застрахован от форс-мажоров, даже звезды...

НА КОСМИЧЕСКОМ КОРАБЛЕ, В ЦИРКЕ И НА ВОЙНЕ

Современный театр невозможно представить без видеотехнологий и компьютерной графики, которые активно внедряются в сценическое пространство. Кому-то кажется, что это нивелирует роль актеров и живого театра. Другие же считают, что опасаться продвинутых VR-технологий не нужно – ведь они в любом случае отражают тенденции нового времени. Так, театральная критик Анастасия Паркер сказала буквально следующее: «Бояться того, что традиции уйдут и мы забудем, что такое, к примеру, система Станиславского, не стоит. Режиссеры продолжают говорить о том же, только сегодняшним

языком». Поверим в это?

Опытные тбилиссские зрители, восхитившиеся спектаклем знаменитого польского режиссера Лукаша Тварковского (Студия «Theatregallery»), дерзко синтезирующего в своих работах театр с видео и музыкой, выразили сожаление, что за сверхэффектными, ошеломляющими инновациями, возможно, уходит на второй план что-то важное – возможно, сама суть сценического искусства. Безусловно талантливый, ищущий художник представил в рамках Тбилисского международного театрального фестиваля необычный проект «Сотрудники» (The Employees) – мультимедийный перформанс по мотивам романа современной датской писательницы Ольги Равн. Действие происходит на космическом корабле, где находятся шесть человек и шесть андроидов – человекообразных роботов. Лукаш Тварковский предлагает театральную форму, в которой видеоинсталляции, саунд-дизайн и действие творят поистине фантастическую, завораживающую реальность. В перформансе воссоздан мир будущего – будущего технологий, ведь на космическом корабле люди и роботы находятся с определенной датской миссией, проводится научный эксперимент: как будут развиваться взаимоотношения между человеческими существами и андроидами? Некие тайные организации наблюдают, как происходит контакт между двумя группами испытуемых, как они взаимодействуют и сотрудничают. Это наводит на размышления о том, уподобится ли со временем робот человеку. Как предсказывают футурологи, искусственный интеллект будет все больше приближаться по своему развитию к homo sapiens, а вот человек вполне может стать роботоподобным.

Текст романа искусно перенесен в пространство театра. Действие разворачивается в непрозрачном кубе в 36 квадратных метров – это и есть космический корабль. Зрители могут свободно передвигаться во время действия, с разных позиций наблюдая за происходящим в кубе (не входя в него) на двух видеомониторах. Актеры в кубе существуют в предлагаемых обстоятельствах, операторы снимают, и снятая информация сразу поступает на экраны.

Необычно сценическое про-

«Сотрудники»

странство и в спектакле Нино Харатишвили – немецкой писательницы, драматурга и театрального режиссера, родившейся в Грузии, автора саги о шести поколениях грузинской семьи «Восьмая жизнь – для Бриллки» (спектакль по нашумевшему роману тбилисскому зрителю показали в 2018 году). На этот раз в основе постановки Харатишвили «Почему ребенка варят в мамалыге» – не ее проза, а одноименный автобиографический роман швейцарки румынского происхождения Аглаи Ветерани о судьбе цирковой семьи беженцев, покинувшей Румынию в период правления Чаушеску. Невеселая история выживания показана, в основном, глазами ребенка – дочери цирковых артистов. Спектакль Нино Харатишвили – театральная копродукция, в которой задействованы грузинские и немецкие актеры (Royal District Theatre / Hessisches Landestheater Marburg (HLTM), Georgia – Germany). Это Саския Боден-Диллинг, Байя Двалишвили, Анке Хоффманн, Зензи Юбер, Ната Мурванидзе, Анна Раух и Анано Махарадзе.

Произвела впечатление сценография (Юлия Б. Новикова) – что-то вроде карусели с несколькими броско оформленными отсеками, в которых эмоционально и ярко, иногда на грани фола, разыгрывается история семьи. Вращение «карусели» придает стремительность и остроту происходящему – это сама жизнь

круговерть со всеми ее испытаниями. Трагическое, драматическое соединяется в спектакле с гротескно-комическим. Атмосферу театральности создают пестрые цирковые костюмы (Камилла Демен), эксцентричный способ существования актеров – при этом хлесткие, парадоксальные тексты, иногда страшные, иногда абсурдные и смешные (черный юмор!), обращенные к зрительному залу (традиционного взаимодействия актеров в спектакле нет), отражают суровые реалии повседневной жизни цирковых артистов, психологические проблемы эмигрантов, их мечты о лучшей жизни.

Все чаще в современном театре мы сталкиваемся со смешением жанров и полным отказом от традиционных форм – например, движением в сторону журналистики. В рамках Тбилисского международного театрального фестиваля был представлен документальный спектакль бельгийской компании «Cie QUE FAIRE?» «Военные репортеры». Он построен на материалах журналистов, работавших в горячих точках, в частности – в бывшей Югославии. Режиссер – Себастьян Фуко. Мы видим сам процесс ведения интервью, слышим обличающие войну свидетельства репортеров, в спектакль включен интерактив – актеры ведут прямой диалог со зрителями. В одной из рассказанных военных страшилок появляется кукла – ребенок в натуральную

величину, так что у зрителей возникает полное ощущение подлинности. И подробности его гибели во время бомбежки, переданные участниками спектакля, воспринимаются как нечто близкое, сегодняшнее, бьющее наотмашь.

Еще одно высказывание о войне – но войне сегодняшней. Спектакль для двоих «Против темноты» по драме шведского драматурга Йоргена Хердта «В темноте» поставили и сыграли украинские артисты Игорь Рубашкин и Катерина Кистень. По словам автора пьесы, она вневременна, но полностью отражает нынешнюю ситуацию в мире. «Самое главное, о чем я хотел написать, – это доверие и единство», – говорит Хердт.

«Герои Игоря Рубашкина и Катерины Кистень Крис и Ким – охранники, по крайней мере, так они говорят друг другу. Персонажи находятся на своих постах так долго, что начинают задаваться вопросом, они все еще на своем месте... или их миссия уже завершена? Крис и Ким потеряли счет времени, но знают, что реальная угроза существует... История разворачивается рядом со зрителями, которые становятся соучастниками происходящего. Спектакль – о неопределенности, когда оказываешься над пропастью неизвестного, перед неминуемой катастрофой...» (из аннотации).

«АМОР», «ТУМАННОЕ» ШОУ И «СТЕНА ВЕЛИЧИЯ»

Следом за Тбилисским международным театральным фестивалем, которым со дня основания руководит Екатерина Мазмишвили, пришел международный фестиваль искусств имени Михаила Туманишвили «Сачукари» (бессменный лидер – Кети Долидзе). И – очередная встреча с уникальным греческим режиссером Теодоросом Терзопулосом, вновь в причудливой форме пославшим свой месседж в зрительный зал. Он – о всесиили денег, продажности всего и вся в современном мире. Даже любовь становится объектом купли-продажи. Именно об этом вторая часть трилогии, которую Терзопулос показал в рамках «Gift» - 2023. Она называется «Amor». В прошлом году в Тбилиси посмотрели первую – «Alarpe», на будущий год запланирован

«Amor»

показ заключительной части – «Encore».

В каждой из них режиссер анализирует природу конфликта. В основе «Alarime» (allarme в переводе с итальянского – тревога, беспокойство, волнение, переполох) – противостояние английской венценосной особы Елизаветы I и обладательницы шотландской короны Марии Стюарт. В спектакле «Amor», основанном на текстах Танасиса Алевраса, мы тоже видим конфликт – мужчины и женщины. Хотя за ним, на самом деле, – не только нравственный, но и финансово-экономический контекст. Современные реалии у Терзопулоса – это аукцион, а на продажу выставлено абсолютно все – даже части человеческого тела. В спектаклях этого режиссера большое значение имеют ярко проявленная экспрессия, выплеск концентрированной энергии, а психологизм выражен в гипертрофированной форме. Поражает, с какой самоотдачей работают актеры Терзопулоса.

...На сцене – двое. В какой-то черной трубе находится женщина, одетая в красное платье (Аглая Паппа) – мы видим вначале только ее голову. Рядом, на черном помосте – взерошенный мужчина в черном костюме, без обуви (Антонис Мириягкос). С начала и до конца спектакля этот странный субъект – представитель прагматичного мира, биржевый брокер или еще что-нибудь в

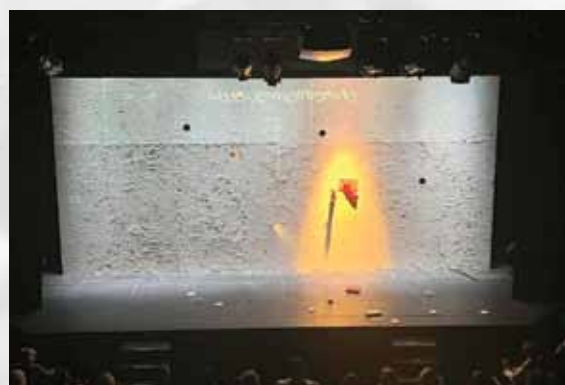
этом роде, – считает деньги. Пластика актера, его жестикация, мимика сложны и выразительны. Пальцы выделывают нечто замысловатое, все тело вибрирует. Выкрикиваются финансовые термины: «Рассрочка, спуски, переходы, коллапсы, последствия, скидки, кредиты, таблицы, профит...». Женщина с первой фразы торгует собой. Продает себя и целиком, и по частям. А мужчина все считает, и цены меняются в зависимости от биржевого курса. Но в итоге это безумие заканчивается – с осознанием того, что есть истинные ценности. Omnia vincit amor (В переводе с латыни всем известное «Все побеждает любовь»).

Еще одно послание человечеству приготовили швейцарцы – своего рода «симфонию тумана» (Bernetta Theaterproduktionen (Цюрих, Швейцария) в режиссуре Тома Луца под названием «Девушка с завода «туманных» двигателей»). С помощью особых суперсовременных дым-машин для театра и разнообразных подручных приспособлений участники спектакля творят на сцене настоящую сказку. Самые невероятные «дымно-туманные» трюки соединяются в представлении Луца с живой музыкой – актеры аутентично поют, виртуозно играют на скрипке, виолончели, клавишных. А главное – дают публике урок жизни.

Спектакль показали в театральном помещении Silk

Factory Studio – то есть на территории бывшей, уже не существующей шелковой фабрики. А завод, о котором идет речь в спектакле швейцарской труппы, – тоже на грани разорения и исчезновения. Создатели шоу выдумали эфемерную, иллюзорную реальность, и у зрителей возникает отчетливое осознание того, что все в мире – человеческие страдания, любовь, честолюбивые помыслы и надежды, деньги, карьера – сиюминутно и преходяще. И вспоминаются строки: «Любви, надежды, тихой славы /Недолго нежил нас обман, /Исчезли юные забавы, /Как сон, как утренний туман». Об этом «дымное» шоу Тома Луца.

Вслед за швейцарцами «сшибли с ног» итальянцы (Леонардо Манзан, Centro di Produzione Teatrale La Fabbrica dell'Attore – Teatro Vascello / Elledieffe). Свое озорное, и в шутку и всерьез, злободневное публицистическое представление «Стена величия» они посвятили цензуре. Как свидетельствует Википедия, первые цензурные списки восходят еще к 5 веку нашей эры – к неприемлемым апокрифическим книгам, перечень которых был составлен в 494 году н. э. при римском епископе (папе) Геласии I. На протяжении всего спектакля Леонардо Манзана зрители лицезреют серую безнадежную стену, которую возвели между собой и публикой не постановщики этого эпатажного представления, а разнообразные цензурные запреты. По ней, как по экрану, время от времени бежит текст – остроумный, ироничный, режущий правду-матку о пагубности цензуры, ограничивающей свободу художников на протяжении многих веков;

«Стена величия»

публика слышит бойкую скороговорку актеров, но видит лишь их активно, «по-итальянски» жестикулирующие руки и... некоторые другие части тела (или длинную сигару, которую стена или тот, кто стоит за ней, требует у зрителей зажечь, – иначе спектакль будет остановлен!), продетые сквозь небольшие круглые отверстия. Они то и дело пробиваются сквозь «цензурную» стену – именно так все новое, талантливое и прогрессивное пробивало себе дорогу на протяжении долгой истории человечества. В этом забавном и увлекательнейшем интеллектуальном шоу зрителей ожидает виртуальная встреча с Джордано Бруно, Паоло Пазолини, маркизом де Садом и «счастливым» Аль Бано. Звонкий голос за стеной настойчиво вовлекает зрителей в читку текста, бегущего по стене, – а это нафантазированные диалоги почивших в бозе великих, с которыми публика, сидящая в зале, ведет как бы живую беседу. В какой-то момент Стена величия приходит в движение, и на ней с помощью различных предметов воссоздаются выдающиеся произведения изобразительного искусства – «Сотворение Адама» Микеланджело, «Сын человеческий» Магритта, «Свобода, ведущая на баррикады» Делакруа и другие.

В конечном счете спектакль итальянской труппы – даже не о цензуре, а о силе искусства, его необыкновенных созидательных возможностях. Не зря спектакль стал обладателем «Золотого льва» Венецианского биеннале 2020 года. Художественный руководитель *Bienalle Teatro* Джанни Форте, которого радушно принимал фестиваль «Сачукари», подчеркнул в своем интервью, что цензура – страшная вещь. «Особенно страшна непрямая цензура, которая может проникнуть незаметно. Она существует везде... Этот спектакль – предупреждение для всех. Потому что цензура направлена на то, чтобы убить фантазию художника. Это самая большая опасность и угроза для творческого человека. Поэтому все должны говорить: «Долой цензуру везде, всегда и в любом деле!»

«Кто сильнее»

«ИНТИМНЫЙ ТЕАТР» АВГУСТА СТРИНДБЕРГА

После такого переизбытка форм, социально-политических высказываний и эмоций публика оказалась в «интимном театре» шведа Августа Стриндберга, в изысканном кафе из его миниатюрной пьесы о двух актрисах «Кто сильнее?». Спектакль шел в фойе Тбилисского театра киноактера имени Михаила Туманишвили.

На вопрос, почему она решила поставить Стриндберга, Кети Долидзе отреагировала определенно: «Надоели плакаты, захотелось психологического театра!» Режиссер подошла к пьесе творчески и преобразовала драматический монолог (у Стриндберга одна героиня говорит, а другая – молчит) в открытый диалог, страстно-холодную психологическую дуэль двух женщин. Поэтому молчаливая Амели у Кети Долидзе обрела дар речи. Заговорила, причем на английском, в то время как ее соперница Эмили произносит свои тексты на грузинском. Такое решение Кети Долидзе рождает неожиданный эффект: в спектакле-противостоянии, в котором талантливые молодые актрисы Тамар Бзиава (Амели) и Ирина Гиунашвили (Эмили) играют на разных языках, усилено отчуждение и драматическое напряжение между враждебными сторонами.

Что чаще всего является причиной конфликта двух женщин? Некто третий – как правило, мужчина. Он тоже присутствует на сцене – у Стриндберга его нет. Вначале мужчина (официант Джон в кафе, его играет Цотне Метонидзе) лишь обозначен в спектакле, будучи немым свидетелем словесных боев и не участвуя в действии. В конце концов выдержка и воспитание

изменяют обеим красоткам, и они, забыв о хорошем тоне, срываются в крик. Эффектна сцена, когда женщины садятся визави, глаза в глаза, по разные стороны стола, и говорят одновременно и очень агрессивно. Страсти накаляются до такой степени, что безмолвный Джон просто не может не вмешаться и резко обрывает обеих: «Shut up!» На вопрос, сформулированный в названии «Кто сильнее?», Долидзе дает вполне ясный ответ: обе героини одинаково уязвимы, каждая по-своему несчастна, в спектакле доминирует то жена Эмили, то любовница Амели, меняясь ролями – стерва становится жертвой, жертва – стервой, и наоборот. В какой-то момент вербальная схватка перерастает в пластическую – танец! А в финале Эмили и Амели расходятся, танцуя, в разные стороны. Разумеется, полные ненависти, непримиренные.

Очевиден антифеминистский посыл постановки Кети Долидзе. Она не сочувствует ни жене, ни любовнице, изображая конфликт женщин с объективностью и беспристрастностью судьи. А моментами – с юмором, иронией и даже с сарказмом.

Отмечу еще один момент – спектакль разделен с помощью затемнений на несколько эпизодов («раундов»). Это создает впечатление цикличности встреч Амели и Эмили – возможно, речь идет не об одном-единственном контакте женщин в кафе.

Спектакль «Кто сильнее» доставил радость тонкостью камерного высказывания, верностью интонирования, чувством стиля, соприкосновением с настоящей театральной традицией и культурой. Недавно он был с большим успехом показан на Эдинбургском международном театральном фестивале.

Старое здание Центрального телеграфа

ЮБИЛЕИ ГОДА УХОДЯЩЕГО

■ Владимир ГОЛОВИН

В декабре мы, как всегда, оглядываемся на предыдущие месяцы, чтобы вспомнить их самые значительные и интересные события. В том числе – и знаменательные даты уходящего года, ставшие вехами в жизни страны.

Начнем с самого солидного юбилея – 160-летия телеграфного сообщения между Тифлисом и городами за пределами Грузии.

Первая телеграфная линия в Грузии была создана, так сказать, для внутреннего пользования. Она связала дворец царского наместника в Тифлисе с его летней резиденцией в Коджори. А уже в 1863-м, 160 лет назад, телеграфное сообщение открылось сначала между Тифлисом и Ставрополем – через Душети, Владикавказ, Нальчик и Пятигорск. И через полгода – аж с самим Санкт-Петербургом. Со временем Главную контору телеграфа разместили рядом с Разгонной почтой – около гостиницы «Иверия». И там это здание простояло до второй половины XX века, пока его не взорвали. Причина – нужна была территория, прилегающая к «Иверии», телеграф же перенесли в новое здание, открывшееся рядом с ИМЭЛом 45 лет назад.

А в 1878 году, впервые в Российской империи, в Тифлисе был создан Кавказский Альпийский клуб. Его основатель – инженер Болеслав Статковский, подготовивший проект усовершенствования Военно-Грузинской дороги, со временем возглавивший Кавказский округ путей сообщения и Кавказское отделение Императорского Русского технического общества. Заботясь о развитии Кавказа, он писал о центре, «в котором разрабатывались бы все научные вопросы, программы действий, и к нему бы стекались все заявления желающих потрудиться для общественной пользы». Как отклик на этот призыв, 145 лет назад и появился Кавказский Альпийский Клуб.

В начале прошлого века его научные функции взяло на себя Кавказское горное общество, для которого главным стало изучение и прогнозирование неблагоприятных природных явлений. Одной из целей клуба было и развитие горного туризма. Но для организации экспедиций требовались деньги, так что этот, один из сложнейших, вид туризма стал развиваться уже в XX столетии.

Отцом-основателем нового вида спорта стал Георгий Нико-

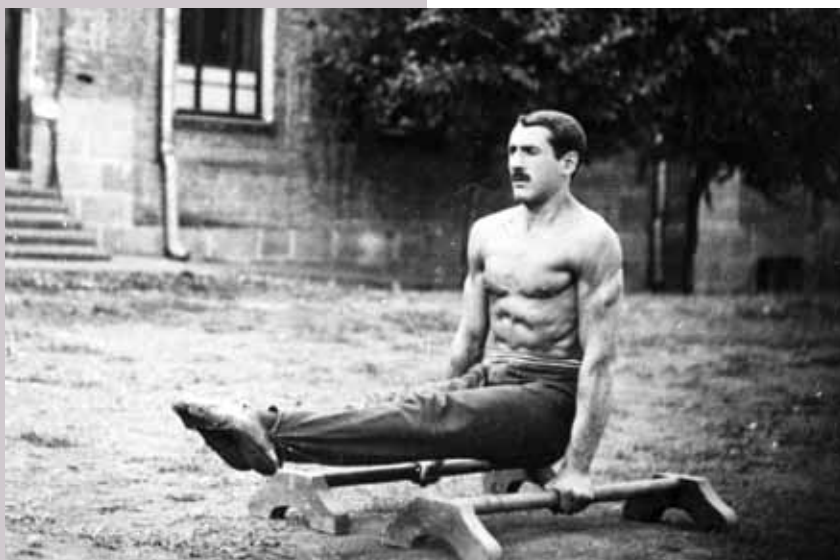
ладзе, математик, инженер и металлург, создававший Зестафонский завод ферросплавов. После двух походов в 1921 и 1922 годах он 100 лет назад возглавил первое восхождение на Казбек. И 1923-й год стал днем рождения советского альпинизма. А тбилисский альпклуб, как объединение спортсменов, существует до сих пор и базируется в парке Вере.

А 140 лет назад открылось движение пассажирских поездов по Закавказской железной дороге. Первый такой состав отправился в 1893 году из Тифлиса в Баку. В честь этого знаменательного события в азербайджанской столице построили похожий на восточный дворец вокзал, который так и назвали – Тифлисским. Примечательно, что линия Тифлис-Баку стала важной частью Евроазиатского коридора, ее запуск позволил экспортировать азербайджанскую нефть из Батуми на мировой рынок по Черному морю.

В том же году – памятное событие в деле «воспитания и образования молодого женского поколения». На Ермоловской (ныне – Читадзе) улице освящается здание женского учебного заведения во имя святой Нины.

Снос старого здания Центрального телеграфа

Георгий Николадзе

Оно было основано для девочек из бедных дворянских фамилий и стало вторым женским учебным заведением после соседнего с ним Закавказского девичьего института на углу Ермоловской и Ново-Бebutовской (сейчас – В. Беридзе) улиц.

Девочки в это заведение принимались от 8 до 12 лет, образование включало в себя всего два класса, но в каждом классе обучение проходило по два года. Преподавались катехизис, история, русский, грузинский и армянский языки, чистописание, грамматика и арифметика, история, география. Все воспитанницы обучались различным женским рукоделиям. Словом, готовили превосходных невест.

«Когда мне пошел восьмой год, родители серьезно задумались о моем образовании. Решили определить меня в пансион. Такое закрытое учебное заведение для девочек с правами и программой гимназии было в Тифлисе и носило имя Святой Нины... В 1893 году, в год рождения Володи, я поступила в это среднее учебное заведение... Я очень скучала по родным и дому. Мама говорила, что первые три года я все письма обливала слезами и просила взять меня домой. Но этого нельзя было сделать, мне и родным пришлось преодолеть и эту жизненную трудность. Сейчас, оглядываясь на прошлую жизнь, думаю, что это было правильное решение родителей». Это – слова Людмилы Маяковской, сестры знаменитого поэта.

Тогда же, 130 лет назад, когда Маяковская поступила в заведение святой Нины, в грузинской столице стала действовать телефонная связь, причем одним из первых она связала в 1893-м дом промышленника и мецената Александра Манташева в Сололаки с его конюшнями и конным заводом в Дидубе. Всего же в первом справочнике абонентов телефонной связи в Тифлисе, организацией которой занималось общество «Шуккерт и Ко», расположенное на Головинском проспекте, было лишь 117 номеров.

Ну, а на противоположном берегу Куры в этот год на Великокняжеской улице (ныне – улица Д. Узнадзе) было заложено новое здание 2-й тифлисской мужской гимназии имени великого князя Михаила Николаевича. Финансировал строительство нефтяной магнат и филантроп Михаил

Перрон Тифлисского вокзала

Арамянц. После 1921 года в этом здании находились средние школы, с 1943 по 1955 года размещалось первое в Советском Союзе Тбилисское Нахимовское военноморское училище. Сейчас там Министерство просвещения и науки Грузии.

В 1903 году в Александровском саду (теперь – парк 9 апреля) открыли памятник Николаю Гоголю. Открытие было пышным, вот его описание: «Торжество началось панихидой, отслуженной в Александро-Невском соборе экзархом Грузии архиепископом Алексием. По окончании богослужения в соборе, все присутствующие двинулись с духовенством во главе к памятнику в Александровском саду. Здесь перед памятником... прежде всего отслужена была лития, после чего с памятника было снято покрывало, и он был окроплен святой водой».

Автор бюста – известный преподаватель рисования и скульптуры, поляк из Белоруссии Феликс Ходорович. Популярность его была велика, он получал немало общественных и частных заказов. Именно он по поручению Городского совета создал в Тифлисе памятник Александру Пушкину, оба бюста – в одном и том же стиле. Увы, в отличие от изваяния Пушкина, гоголевский памятник не сохранился – он исчез примерно через 90 лет, в сумятице короткой тбилисской войны. Сейчас на его месте – памятник Анатолию Собчаку, «за безмерно большой вклад, внесенный в раследование трагических событий, произошедших в Тбилиси 9 апреля 1989 года, и за особые заслуги

Учебное заведение Святой Нины

перед грузинским народом».

И еще в том же 1903 году, «в присутствии высших правительственных лиц Тифлиса», был заложен Дом трудолюбия. Это была популярная в свое время форма помощи незащищенным слоям населения и их привлечения к общественной жизни – им предоставляли оплачиваемую работу, еду, а иногда и жилье. Прошло уже 120 лет после закладки здания, а дом этот под номером 13 на улице Александра Чавчавадзе стоит и поныне. Правда, уже в качестве обычного, жилого.

Еще один юбилей уходящего года – 115-летие со дня открытия и освящения в Тифлисе Театра грузинского дворянства. Вернее, то была основательная реконструкция здания Дворянского банка, построенного 145 лет назад, с расположенным в нем театром. Здание почти полностью сгорело в 1914 году. Его постарались восстановить, но многое было утеряно. С 1930-х здесь расположился Тбилисский русский драматический театр имени А.С. Грибоедова, который сейчас работает в новом здании, вписанном в пространство торгового центра Galleria Tbilisi.

Всего лишь с одним факультетом – философским – 105 лет

назад открылось первое высшее учебное заведение Грузии – Тбилисский государственный университет. Тогда, в 1918-м, вступительных экзаменов в нем не было, «принимались лица обоего образования. Первыми студентами стали около 360 человек, а первым ректором был избран химик Петр Меликишвили. Также номинировавшийся на эту должность Иванэ Джавахишвили взял самоотвод, так как считал Меликишвили более крупным ученым.

В штате только что созданного вуза было 17 преподавателей – 7 профессоров, 5 заместителей, 2 научных руководителя, и 3 лектора. Осенью того же года университет получил государственный статус, в нем были созданы сначала факультет математических и естественных наук, потом – медицинский факультет. Разместился университет в здании бывшей Грузинской дворянской гимназии, где до сих пор находится его первый корпус.

Знаковое здание появилось 95 лет назад на проспекте Руставели, на том месте, где раньше был цирк Никитиных. Сейчас в нем торговый центр, но тбилисцы по-прежнему называют его «Заря Востока». Так назы-

вались издательство и газета, с 1922 года являвшаяся органом Закавказского крайкома Коммунистической партии (большевиков), а с образованием Грузинской ССР в 1936-м ставшая республиканской. С 1991 года газета называлась «Свободная Грузия», потом перестала быть ежедневной и выпускалась трижды, а с 2006 года – один раз в неделю. В 2011-м она пе-

Вторая тифлисская мужская гимназия

рестала выходить вообще.

Примечательно, что в этом же здании работали телеграфное агентство Грузинской ССР ГрузТАГ (Грузинформ), издательство «Мерани», корпункты собственных корреспондентов центральных (всесоюзных) газет, несколько литературно-художественных журналов. Тут работали и газеты «Вечерний Тбилиси», «Молодой сталинец» («Молодежь Грузии»), «Советакан Врастан», «Совет Гурджистаны» – до того, как они получили новые помещения.

В том же 1928 году, когда появилось здание «Зари Востока», в доме промышленника и мецената Давида Сараджишвили на нынешней улице Мачабели разместился Союз писателей Грузии. Еще при жизни Сараджишвили это место стало важным центром культурной жизни города, здесь проходили литературные

вечера, собрания художников, дискуссии, выставки и концерты. В 1911 году, после смерти владельца, дом был передан местному самоуправлению с условием, что город устроит в нем художественную галерею или музей искусств.

Затем дом купил фабрикант Акакий Хоштария, который продолжил традиции семьи Сараджишвили. Именно при нем здесь принимали российского императора Николая II. После установления советской власти Хоштария покинул страну, и в 1921-1923 годах здание принадлежало Обществу писателей и художников Грузии под названием Дворца искусств. А 95 лет назад сюда переехал Союз писателей. Ныне здесь – Дом писателей.

И еще несколько 95-летних юбилеев. В 1928 году на базе политехнического факультета

Тбилисского госуниверситета был создан Грузинский государственный политехнический институт. Через пару лет из него выделились строительный, транспортный, горно-металлургический, химико-технологический, энергетический и мелиоративный институты, позже образовались Закавказские индустриальный и горно-металлургический институты.

Два юбилея – театральные. В Кутаиси 95 лет назад великий режиссер-реформатор Котэ Марджанишвили основал Второй государственный грузинский драматический театр. Благодаря гармоничному сочетанию на его сцене классических и современных традиций, этот театр добился успеха не только в Грузии, он гастролировал в Москве и Харькове. Через пару лет театр переехал в Тбилиси и сейчас носит имя своего основателя.

А в Тбилиси в 1928-м образовали Грузинский театр юного зрителя, который много сделал для создания национальной детской драматургии, привлекая современных грузинских драматургов и инсценируя классиков. Располагался театр в бывшем доходном доме миллионера-филантропа Александра Мелик-Азарянца. В 1990-е годы здание передали различным организациям, и в 1998-м, объединившись под названием «Центральный детский театр им. Нодара Думбадзе»,

Памятник Н. Гоголю

Дворянский театр

грузинский и русский ТЮЗы разместились в заново отстроенном здании бывшего Театра санкультуры на проспекте Агмашенебели.

Сразу несколько юбилеев у комплекса зданий нынешнего парламента, а раньше – Дома правительства Грузии. Некогда на его месте была Гунибская площадь, за ней – Арсенал, слева от нее – Дворец наместника, справа – Тифлисская гимназия. Потом здесь построили военный собор во имя святого Александра Невского. Его разрушили 95 лет назад, а 90 лет назад начали строительство Дома правительства, которое завершили 85 лет назад.

Первую очередь комплекса называли еще и верхним корпусом. У нижнего корпуса, выходящего на проспект Руставели и ставшего главным, возраст поменьше – 70 лет. На его строительстве работали немецкие военнопленные. Связаны оба здания боковыми корпусами вдоль улиц Чичинадзе и Читадзе и внутренним двором с лестницами и фонтанами. Двор был открытым со стороны проспекта Руставели.

Отметило 90-летие и окончание строительства Дома связи на углу проспекта Руставели и Леси Украинки. В те времена, когда это был угол Головинского проспекта и Гимназической улицы, здесь стояло здание, принадлежащее князю Ивану Мухранба-тони (Багратион-Мухранскому). В нем располагались Дворянское собрание, редакция первого гру-

зинского журнала «Моамбе Грузии» («Вестник Грузии»), которым руководил Илья Чавчавадзе, меблированные комнаты и гостиница «Мухранские номера».

В 1921-м дом сгорел, остатки были разрушены. А с 1933 года здесь стояло новое здание Министерства связи, которое в народе называли просто Дом связи. Оно было в стиле конструктивизма и выглядело совсем иначе, чем сейчас – в 1955-м его полностью перестроили. А через год возле него расстреляли мирную демонстрацию, вызванную докладом Никиты Хрущева о культе личности Сталина.

В минувшем году исполнилось 90 лет и пуску первой очереди Натахтарского водопровода из обнаруженного в 30 километрах от Тбилиси на водоразделе рек Арагвы и Куры мощного подземного бассейна подпочвенных кристаллически чистых вод с двухгодичным запасом на случай засухи. Поначалу этот водопровод называли еще и вторым тбилисским – после Авчалского водопровода, заработавшего в 1887 году.

Было три 85-летних юбилея. На Площади героев, полное название которой тогда звучало как «Площадь Героев Советского Союза», построили 100-квартирный дом, именуемый «жилым комбинатом». По количеству этажей в его «башне» дом получил у тбилисцев живущее по сей день название «одинадцатиэтаж-

Верхний комплекс (первая очередь) Дома правительства

ный». В том же 1938 году на горе Мтацминда построили новое здание верхней станции фуникулера и основали Грузинский государственный институт физической культуры, ныне – Грузинский государственный университет физического воспитания и спорта.

А 70 лет исполнилось нынешнему зданию Национальной академии наук Грузии, где расположен и офис Союза кинематографистов. Оно вступило в строй в 1953-м как административное здание треста «Грузуголь». Так называлось производственное объединение Министерства угольной промышленности СССР по добыче угля в Грузинской ССР, главным образом в Ткибули-Шаорском, Ткварчельском и Ахалцихском месторождениях. Сегодня рентабельно лишь первое из них. В

Стоквартирный «жилкомбинат»

1955 году здание в конце проспекта Руставели вместе с другими монументальными строениями сталинского ампира подверглось критике в рамках знаменитого постановления ЦК ПСС «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве». Утверждалось и то, что компоновка здания заимствована у стокгольмской ратуши.

Богат год минувший и на

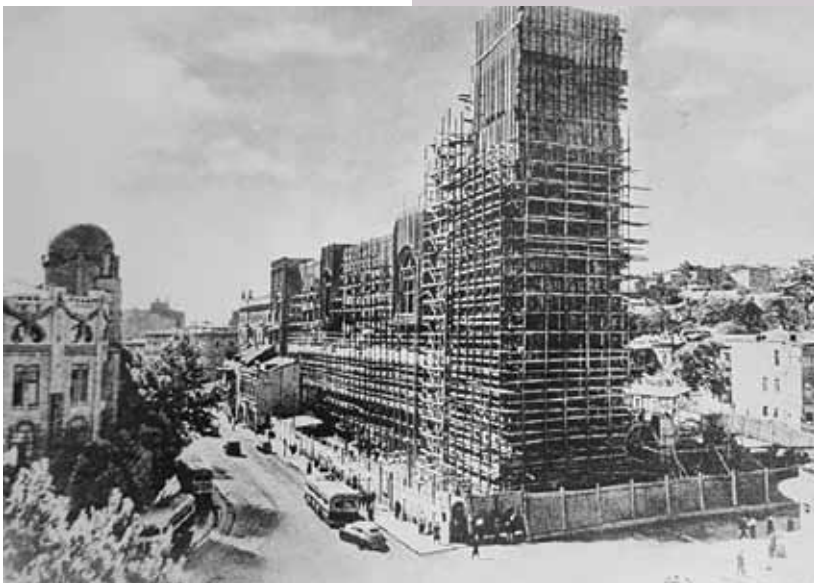

Первый Дом связи

65-летние юбилеи. Внутренний двор «Грузугля» с вершиной горы Мтацминда связала воздушно-канатная дорога длиной 906 метров. Она работала до 1990 года, когда произошел обрыв каната...

В том же 1958 году построен Дигомский мост и вступила в строй гостиница «Сакартвело». Установлены памятник Илье Чавчавадзе и Акакию Церетели в сквере перед 1-й средней школой, в Ортачала – обелиск 300 арагвинцам, погибшим в

Строительство здания «Грузугля»

Строительство нового Дома связи

1795-м в Крцанисской битве. А на тогдашней Комсомольской аллее (Сололакский хребет) поднялся памятник «Картлис дэда» («Мать Картли»).

Статуя высотой в 20 метров была деревянной – ее устанавливали к празднованию 1500-летия Тбилиси, и не предполагалось, что она прослужит долго. Но 60 лет назад ее обшили алюминиевыми листами, и в таком виде она простояла до развала Советского Союза. А в лихие 1990-е, когда листы с нее уже начали пропадать, ее сделали на металлической основе. Правда, внешний вид статуи изменился: вместо задумчивого взора из-под накидки – гордый взгляд из-под лаврового венка, да рукава на одежде стали покороче.

Когда устанавливали новый вариант, старую скульптуру не успели убрать по каким-то техни-

ческим причинам. И две «Матери Картли» больше суток стояли рядом. Говорят, были в городе люди, «завязавшие» с алкоголем после того, как, возвращаясь с обильного застолья, увидели это уникальное зрелище.

Две «Картлис дэда» рядом

Немало событий отметили в уходящем году полувековой юбилей. В 1973-м в Ортачала вступил в строй крупный автовокзал, а в парке имени Кирова (сегодня – парке Вере) открылся Шахматный клуб. Появились памятники Важа Пшавела на проспекте его имени, Максиму Горькому на нынешней улице Терентия Гранели, Захарию Палиашвили в сквере Тбилисского театра оперы и балета. А 40 лет назад на набережной, там, где некогда был Мадатовский остров, открылся памятник «Дэда эна».

Словом, год 2023-й напомнил о многом. И особенно приятно, что было немало дат, за которыми стоят события с эпитетами «впервые». Впервые не только в Грузии, но и в двух огромных империях, в которые была включена эта маленькая страна.

Торговый дом Жирардовских мануфактур «Доннер и Лейтц»

ПО ДОРОГАМ СУДЕБ МОИХ ПРЕДКОВ

■ **Мила ГАБРИЭЛЬ-КАДЖАЯ**

Память о предках, оставивших свой след в истории, — это духовное наследство и историческая реликвия для потомков.

Заниматься генеалогией очень увлекательно. Это архивно-историческая археология твоего фамильного рода, фамильного древа — ты словно складываешь пазлы, создаешь общую картину, и на этом пути познания происходит обогащение тебя самого, твоего духовного мира. И все равно остается много вопросов, и огромен простор для многовекторного научно-исследовательского изучения данного материала — исторического, архивного, лингвистического, библиотечного, архитектурно-реставрационного, социально-экономического.

Честно говоря, я всегда была папиной дочкой, и рассказы о Маньчжурии, о далеком Харбине, где мой папа родился, о его жизни там — удивительной, интересной и непохожей на ту жизнь, которая окружала меня, — сформировали мой внутренний мир, мой каркас мышления. Я непременно напишу о том, каким был тогда Харбин, кто там жил, какой была грузинская диаспора в северо-восточном Китае.

Но начать свои воспоминания мне хочется с рассказа о моей маме, Светлане Евгеньевне Габриэль-Каджая. О своих предках мама всегда говорила очень скупой и осторожно. Но в последние

годы ее жизни, когда мама тяжело болела, я узнала от нее много интересного и поняла, что открыла для себя глубоко сокрытые страницы истории моих предков по материнской линии.

Ее дедушка, Рейнгольд Адольфович Габриэль, был купцом акционерного общества «Жирардовские мануфактуры». Для своего времени это был революционный проект, промышленный и экономический феномен, который пустил корни в разных странах мира.

Жирардовские мануфактуры — это огромная сеть торговых домов в Российской империи, в странах Европы и Америки, поставлявших «полотно, столовое белье, чулочные изделия, бумажные товары, мужское и дамское белье, приданное, постельное белье, мебельные материалы, ковры и гардины собственных фабрик». В Тифлисе она была представлена торговым домом «Доннер и Лейтц».

А начиналось все вот как: когда в 1810 году Наполеон Бонапарт пообещал многомиллионный грант за изобретение льянопрядильной машины (гордый император хотел, чтобы Франция перестала быть зависимой от импорта хлопчатобумажных тканей из Великобритании), вряд ли кто-то мог представить, что в результате во второй половине 19-го века в Российской империи и по всей Европе откроются десятки тысяч новых рабочих мест, а затем — изысканные магазины по торговле тканями высочайшего качества. Изобретателем машины стал инженер-механик Филипп Анри Жирар. Его изобретение совершило переворот в ткацкой промышленности и быстро распространилось по Европе. После 1815 года по просьбе императора Австрии он создал льянопрядильную машину недалеко от Вены, затем был приглашен русским царем в Польшу, где в 1833 году основал прядильную фабрику. Филипп Анри Жирар оставил свое имя крупному текстильному центру — городу Жирардуву.

Жирардовские мануфактуры и их торговые дома вели торговлю с Европой, Америкой, были личными поставщиками царского дома Российской империи и Королевских домов Европы. Жирардовские мануфактуры «Гилле и Дитрих» на всемирной выставке в Париже в 1901 году удостоились выс-

Члены акционерного общества «Доннер и Лейтц» в Тифлисе. Второй справа - Рейнгольд Габриэль

шей награды «Grand Prix».

Опираясь на эту историческую информацию и осознав масштаб темы, я с глубоким интересом погрузилась в изучение генеалогии моей семьи.

Я сделала запрос в архив города Лодзь и получила свидетельство о рождении Рейнгольда Адольфовича Габриэль в городе Озоркув, свидетельство о рождении Стефании Габриэль (урожденной Качовска) недалеко от города Пултуск и свидетельство об их браке в Евангелическо-Аугсбургской церкви города Лодзь.

Озоркув – маленький городок к северо-западу от Лодзи. Его история восходит к 15-му веку. Как гласят старинные польские летописи, тогда это было небольшое село, окруженное неприступными лесами и болотами. В 1807 году будущий владелец Озоркува Игнаций Старжинский, надеясь расширить свое текстильное дело, привез в деревню 19 торговцев тканями из Саксонии. В 1817 году в Озоркув приехала семья Фридриха Шлессера родом из Аахена, обосновывается и создает первую хлопчатобумажную мануфактуру. Следом для трудовой деятельности подтягиваются и его землячество из города Аахен. Очень скоро Озоркув становится центром хлопчатобумажной промышленности Польши. Уже через три года семьи промышленников приобрели сельскохозяйственные угодья в близлежащих деревнях. В 1848 году из-за политической нестабильности в Германии в Озоркув к Фридриху Шлессеру приезжает племянник, Карл Вильгельм Шейблер, родом из

города Моншау. Потомственный текстильщик, свое практическое образование он получил на прядильной фабрике своего другого дяди в Вербье (Бельгия). После смерти Шлессера К.В. Шейблер стал коммерческим директором мануфактуры. А в 1854 году женился на племяннице Шлессера, Анне Вернер.

К.В. Шейблер купил земельные участки в Лодзи и на них основал прядильную фабрику с паровым двигателем. Вскоре годового объем его продаж составил 305000 рублей. Когда после гражданской войны 1861-1865 гг. в США цены в Европе выросли, К.В. Шейблер продал свою продукцию по тройной цене и получил большую прибыль. Вскоре он стал известен как «король хлопковой и льняной империи Лодзи». Он расширил и умножил свои

предприятия – они процветали. Так текстильный магнат построил свое королевство.

Шейблер был известен своей общественной и благотворительной деятельностью. Он поддерживал создание муниципальной кредитной ассоциации – Коммерческий банк Лодзи (Bank Handlowy) в 1872 году, а также строительство Лютеранской и Католической церквей.

В 1880 году уставной капитал империи К.В. Шейблера составлял 9 000 000 рублей.

Карл Вильгельм Шейблер умер 13 апреля 1881 года в городе Лодзь и захоронен на Лодзинском протестантском кладбище в мавзолее.

Судьбу не выбирают. Она записана на небесах. Предки со стороны моей мамы – это немецкая линия. Несмотря на бурные времена исторических водоразделов, лихолетия, репрессии, благодаря маме в нашей семье сохранился большой архив фотографий и писем на старонемецком, польском и русском языках 19-го и начала 20-го века, переписка со многими странами Европы, Америки, Закавказья. Изучая этот океан информации с трепетом и человеческим состраданием к пережитому твоими близкими, родными по крови, к их жизненным трагедиям, погружаешься в прошлое. Горькое со-

Из фамильного архива семьи Габриэль

переживание их искалеченным судьбам и погубленным жизням глубоко проникает в сознание и кармически зеркально отражается с небес в грядущем.

В нашем семейном архиве хранится переписка акционерного общества «Гилле и Дитрих» Жирардовских мануфактур с мануфактурой Луи Гейера, «Генцеля и Кунцера» и др. Архив уникален еще и тем, что на этих почтовых открытках изображены города, улицы с их достопримечательностями – театрами, проспектами, протестантскими, католическими, православными церквями тех времен, когда по Европе еще не прошли Первая и Вторая мировые войны, после которых многое было невосполнимо утеряно.

Письма на старонемецком языке мне в Грузии прочесть и перевести никто не смог – ни в Ассоциации немцев в Грузии «Айнунг», членами которого является наша семья, ни в Институте имени Гете, ни мои знакомые немцы из Германии. Профессор Тюбингенского университета объяснила мне, что в разных землях Германии существуют разные диалекты. И на некоторых диалектах говорят сейчас только старые люди, это их язык общения. А современные немцы используют общепринятый язык, хотя в быту жители разных земель пользуются своим разговорным языком.

В становлении Озоркува как города текстильной промышленности, как уже было упомянуто, большую роль сыграло немецкое землячество из Аахена (в нашем архиве много переписки с этим городом), и я думаю, что корни моих предков – именно в этом городе. Это земля Северный Рейн-Вестфалия. В городе находится

Братья Евгений и Вальтер Габриэль в ссылке

усыпальница Карла Великого. Здесь распространен аахенский диалект немецкого языка, принадлежащий к рипуарским диалектам средненемецкой группы. Аахенский диалект плохо понимают носители других диалектов. Диалектологи отмечают родство аахенского диалекта с некоторыми диалектами Нидерландов и немецкоязычной Бельгии. После окончания Второй мировой войны этот диалект употребляется все реже. Таково мое объяснение того факта, что никто не смог прочесть немецкие письма из нашего семейного архива.

Семья Габриэль (прадедушка с прабабушкой) приехала в Тифлис из Лодзи – города, который называли «Польским Манчестером», «Землей обетованной» и который в тот период переживал текстильную революцию. До 1820 года Лодзь практически оставался деревней. История современной Лодзи началась после того, как большие территории города были выделены под строительство фабрик, и в город начали съезжаться иммигранты со всех уголков Европы – Португалии, Англии, Франции, Саксонии. Большинство приехавших было из Южной Германии. Вскоре немцы составили три четверти населения города. Таким образом, в Лодзи во второй половине 19-го века проживали три группы населения – поляки, немцы и евреи, все они внесли существенный вклад в благосостояние города. Лодзь быстро стал одним из крупнейших центров текстильной промышленности Европы. Этот исторический период отражен в фильме Анджея Вайды по роману Нобелевского лауреата Владислава Реймонта «Земля обетованная» с участием Даниэля Ольбрыхского (фильм был номинирован на премию «Оскар» как

«лучший иностранный фильм» в 1976 году).

В 1850 году Российская империя упростила таможенные барьеры между Россией и царством Польским, что открыло для произведенных в Лодзи товаров восточные рынки.

С севера на юг через центр города проходит улица Петрковская (Pieterkowska). Основные достопримечательности Лодзи расположены на ней. На этой улице жил и имел оптовые склады и мой прадедушка (это следует из семейного архива).

Экономический рост Лодзи естественным образом затормозился после Первой мировой войны и получения Польши независимости. Но текстильная про-

Супруги Рейнгольд и Стефания Габриэль

мышленность довольно сносно чувствовала себя даже во время Второй мировой войны, в период оккупации Польши, когда фабрики Жирардовских мануфактур были включены в огромный концерн «Reichswerke AG für Erzbergbau und Eisenhütten Hermann Göring» – «Герман Геринг Верке», которые были переориентированы на выпуск продукции для немцев.

Лодзь, несмотря на две мировые войны, продолжал жить за счет текстильной промышленности и только в 1990 году начал ориентироваться на высокотехнологические производства и туризм.

В Лодзи установили мемориал «Памятник жителям Лодзи рубежа тысячелетий». Это почти 14 тысяч бетонных плит с бронзовыми табличками, на которых написаны имена жителей Лодзи, которые так или иначе повлияли на историю города. Идея этого мемориала принадлежит архитектору Збигневу Бинчеку. Первые сорок базальтовых блоков (затем их заменили бетонными) были положены в центре города в декабре 2000 года, между улицами Тувима и Наврот. Сейчас эта «аллея имен» шириной в полтора метра протянулась уже на триста сорок метров. Кто знает, может на этом мемориале есть имена и моих предков – прадедушки и двух его братьев, которые жили в Лодзи и занимались текстильной промышленностью?

В Тифлисе у Рейнгольда Адольфовича Габриэль (1870-1923) и его жены Стефании Карловны Габриэль (урожденной

Качковска) (1876-1947) родилось трое детей: Изабелла, старшая дочь (1896 г. рожд.), мой дедушка Евгений (1897 г. рожд.) и их младший брат Вальтер (1901 г. рожд.) (данные из Национального центрального архива Грузии).

Мама своего дедушку не застала, она родилась спустя десять лет после его смерти. Но в ее памяти осталось, как они с бабушкой Стефанией Карловной часто ходили на Лютеранское кладбище в Тбилиси, на могилу дедушки, место которой мама помнила в подробностях. По рассказам бабушки она знала о жизни семьи в Тифлисе. На Московской улице, 7 (сейчас это улица братьев Какабадзе) у них был собственный дом, обставленный заграничной мебелью. Дети росли с гувернантками, учились в гимназии, семья жила с горничными, кухаркой, был мальчик-казачок на посылках. Во дворе находился флигель для прислуги. Было два фазтона. Семья владела торговым домом на Ереванской площади с оптовыми складами (сегодня улица Пушкинская, 9).

Революция, экспроприация собственности и переселение в коммунальную двухкомнатную квартиру в «итальянском» дворе по улице Жореса (ныне улица Марджанишвили) напротив православной церкви – все это было серьезным ударом судьбы. Мой прадедушка не смог смириться с потерей дела своей жизни и скончался через два года после присоединения независимой Грузии к советской России, в возрасте 53-х лет.

В 1920-х годах в Тбилиси появилось АО «Госкинопром». Мой дедушка Евгений Рейнгольдович Габриэль, режиссер-монтажер, был одним из основоположников грузинского кинематографа. В нашей семье по сей день хранится орден «Знак почета», врученный ему в Кремле. В моих воспоминаниях живы светлые моменты: я, маленькая девочка, сижу у деда на коленях, со мной много гуляют, покупают мне сладости и игрушки.

В 1941 году дедушка, его брат Вальтер и сестра Изабелла были высланы в Южный Казахстан – в село Славянка Пахтарайского района. Только через 16 лет, в 1956 году, дедушка был реабилитирован, но вернулся в Тбилиси один – брат и сестра умерли в ссылке. Такова была трагическая

судьба всех немцев, проживавших в Советском Союзе во время Второй мировой войны.

Мама хорошо помнила тот страшный день, когда бабушка получила известие о смерти своей дочери Изабеллы. Это подорвало ее здоровье. Война кончилась, Стефания Карловна ждала возвращения сыновей домой, но с каждым днем надежда угасала... Лютеранское кладбище, где был похоронен муж, Лютеранская церковь, где она молилась, были разрушены, сыновья по-прежнему находились в ссылке... Бабушка умирала тяжело. Казалось, она ждет, что в дверь постучатся ее сыновья, и она уви-

Надгробный камень Р. Габриэль в Тбилиси

дит их перед кончиной. Ее сестра, Теофилия Карловна, которая приехала из Гянджи, посоветовала зажечь большую свечу рядом с бабушкой. Свеча догорела, и с последним бликом пламени душа бабушки покинула тело. Выглядит мистически, но было именно так. На маму это произвело сильное впечатление, которое осталось на всю ее жизнь.

На территории Лютеранской церкви, построенной на месте разрушенного Лютеранского кладбища (улица Терентия Гранели 15), при содействии председателя немецкого общества «Айнунг» Гарри Аугуста и епископа Евангелийско-Лютеранской церкви Маркуса Шоха был установлен памятник Рейнгольду Адольфовичу Габриэль.

Мила Габриэль-Каджая

«ЕСЛИ СЕРДЦЕ ПОЕТ...»

Юлия ТУЖИЛКИНА

Мелодии, зовущие вдаль. Грустные и оптимистичные, побуждающие любить и размышлять... прозвучали в Тбилисской консерватории, на вечере памяти композитора Арно Бабаджаняна.

В зрительном зале – ни одного свободного места. Множество тбилисцев разных возрастов пришли послушать музыку выдающегося композитора. И невозможно было поверить, что со дня смерти ее автора прошло уже сорок лет. Камерный концерт организовал Фонд памяти Арно Бабаджаняна при поддержке Посольства Армении в Грузии и Министерства культуры Грузии. На вечере прозвучали известные произведения «Экспромт», «Элегия» памяти А. Хачатуряна, фортепианное «Трио», «Хорал» и знаменитый «Ноктюрн». Подобные мемориальные концерты Бабаджаняна проходят регулярно в России, Германии, Беларуси, Казахстане и других странах. В нашей стране такой концерт состоялся впервые.

Этот человек создал целую музыкальную эпоху. В советское время его имя знали все. Его музыка была настолько популярна, что многие звезды эстрады выстраивались к нему в очередь за песнями. Он написал около двухсот песен для выдающихся певцов, в его репертуаре песни для кинофильмов, а также удивительные камерные произведения.

Арно Бабаджанян был очень коммуникабельным, простым в общении и непринужденным в быту. Находил общий язык и со всеми слоями общества.

Его сын Араик, актер и председатель Фонда Арно Бабаджаняна, так вспоминает об атмосфере, царившей в семье: «К нам домой приходили люди, составляющие культуру той большой страны, в которой мы все жили. У нас бывали все знаменитости того времени: Людмила Зыкина, Юрий Гуляев, Жан Татлян, Роза Армен, Иосиф Кобзон, Майя Кристалинская, еще юный Муслим Магомаев и многие другие. Папа сотрудничал со многими поэтами, в их числе Сергей Михалков, Борис Брянский, Александр Жаров, Анатолий Горохов. В 1966 году судьба свела его с Робертом Рождественским, и они дружили многие годы. Помню светлую личность Евгения Евтушенко: когда он приходил к нам в дом, вся атмосфера наполнялась радостью. Чуть позже папа работал с Андреем Вознесенским,

Андреем Дементьевым, Онегиным Гаджикасимовым, Гарольдом Регистаном. Да и все его коллеги-композиторы были неординарными людьми».

Семья Арно часто отдыхала в Доме творчества композиторов, где собирался весь цвет музыкальной культуры. И, по словам сына композитора, общение там было всегда наполнено светом и радостью. «Папа был очень скромным человеком. Люди часто говорили ему комплименты, а он по-армянски отшучивался, в переводе это звучит так: «Что ты меня разыгрываешь? Издеваешься?»

Арно Бабаджанян не раз получал соблазнительные предложения из-за рубежа, но он очень любил родителей и не представлял своей жизни без Родины. Ценил дружбу, для него это понятие было круглослучайным. И не терпел предательства, в любом его проявлении.

Он дружил с Родионом Щедриным, Майей Плисецкой, Мстиславом Ростроповичем и многими другими выдающимися деятелями. Сын композитора до сих пор бережно хранит в памяти случаи на отдыхе с семьей и друзьями: «Я помню, мы все вместе отдыхали в Дилижане, в Доме творчества. Там как раз были Родион Щедрин, Майя Плисецкая, Александра Пахмутова и Николай Добронравов. Все они как-то умудрялись помещаться в папину «Волгу». И папа ездил и показывал им

страну. А Щедрин был заядлым рыбаком, он привез из Норвегии особые снасти и мечтал что-то поймать. Но ему не везло. Например, на озере Севан он никак не мог ничего поймать, а рядом стояли дети, и у них то и дело клевало! Для поддержки друга папа купил у этих детей рыбу и в Доме творчества сказал, что это Щедрин наловил столько. Помню, мы играли в футбол. Дмитрий Шостакович, который каждый год приезжал в Армению отдыхать, был страстным футбольным болельщиком. Однажды папа не поленился, поехал в Ереван и привез настоящий милицейский свисток. И вот дети композиторов, а также Щедрин, Добронравов, папа и другие – мы все играли в футбол. А судил нас Дмитрий Шостакович. И свистел в милицейский свисток».

Арно Бабаджанян любил Грузию и часто приезжал в нее с выступлениями. Играл свои произведения на популярном фестивале «Закавказская весна». Здесь его всегда встречали близкие и друзья, среди которых были Гия Канчели, Дмитрий Аракишвили, Реваз Лагидзе, Бидзина Квернадзе, Отар Такашвили и многие другие. Оказывается, есть даже семейная история, связанная с Тбилиси. О ней нам тоже поведал сын композитора: «У моего дедушки было очень много друзей в Грузии. В Первую мировую он был офицером. И, можно сказать,

Араик Бабаджанян

ему жизнь спас тбилисец, который был личным врачом чуть ли не Берию. И он же предупредил моего деда о грядущих репрессиях: «Арутюн, собирай вещи и приезжай ко мне». Это был 1935 год. И дедушка больше года жил у него дома, в семье».

На тбилисский концерт памяти Арно Бабаджаняна приехали музыканты из Армении. Перед началом выступления скрипач Карэн Шахгалдян поделился своим видением творчества композитора: «Бабаджанян – это творец, который не может оставить равнодушным никого, даже людей, далеких от музыки. Я это много раз наблюдал на собственном опыте. И, наверное, это самое важное в искусстве. Можно разбираться в нем, понимать или не понимать – это вторично. А одна из главных целей искусства – не оставлять людей равнодушными. Арно Бабаджанян – один из тех немногих композиторов в мире, который может зацепить любого. Всегда. И конечно, ценны обе ипостаси его таланта, которые друг друга дополняют: песенная часть и академическая. И там, и там он был невероятно успешен. Можно, конечно, сказать, что он был более популярен за счет эстрады. Но качество его академической музыки не слабее эстрадной, а лично для меня даже гораздо важнее и интереснее. Кстати, Арам Хачатурян всегда говорил ему: «Арно, пиши академическую музыку».

Часть произведений прозвучали на вечере в исполнении

грузинских музыкантов, в числе которых были и юные таланты. Например, четырнадцатилетняя пианистка Кети Табидзе, исполнившая «Элегию» памяти А. Хачатуряна, так рассказала о своем знакомстве с наследием Бабаджаняна: «Я занимаюсь музыкой уже восемь лет. Когда я впервые разобрала произведение Арно Бабаджаняна, оно мне очень понравилось. И вся моя семья тоже любит его музыку. Когда я играю его произведения, получаю большое удовольствие, и меня наполняет чувство спокойствия. При этом у меня такое ощущение, будто я парю в небесах. «Элегия» – это самое лучшее произведение, которое я когда-либо играла. И я думаю, что другим оно тоже

нравится».

По словам Араика Бабаджаняна, его отец был оптимистом: в его творчестве преобладают живительные, светлые мелодии. Хотя в произведении «Трио», которое было написано в тот момент, когда композитору поставили страшный диагноз – лейкемия, вторая часть звучит, хоть и нежно, но очень грустно. Эту мелодию даже исполняли на похоронах Сталина.

«Он – человек-мелодия. Мелодии рождались у него неведомо как: откуда-то сверху приходили. Потом он их записывал, словно пропуская через себя... Папа до сих пор присутствует в

моей жизни. И не только в моей. Его музыка звучит в сердцах всех почитателей его таланта. Для меня все эти годы он рядом. Когда мы проводим тот или иной мемориальный концерт, я всегда ловлю себя на мысли: если сейчас он это слышит, ему приятно, что о нем помнят. Это самое главное: когда о человеке помнят, он продолжает свой жизненный путь», – говорит Араик Бабаджанян.

Вечер памяти с живыми, волнующими мелодиями Бабаджаняна – это как раз тот случай, когда музыка стирает границы между странами, народами и поколениями. А поющее сердце Арно до сих пор отзывается эхом в сердцах его слушателей.

« И ЭТО БУДЕТ РОК! »

— **Нина ШАДУРИ**

Мы давно собирались рассказать вам, дорогие читатели, о грузинском роке, его удивительной истории — от подвального андеграунда до официального признания и успеха на самых престижных площадках мира. Сколько талантливых музыкантов, замечательных групп, ярких событий — знай рассказывай.

Но вот какая досада — прособирались. Все думалось — успеется, к чему торопиться, вся жизнь впереди. Оказалось — не впереди.

За несколько лет ушли из жизни Бачи Китиашвили, Мамука Чихладзе, Валерий Кочаров, Мераби Чиковани...

И тут раздался звонок из Бангкока. Звонил Валерий Обидко — авторитетный тренер по тройным прыжкам и прыжкам в длину, мастер спорта, многократный чемпион Грузии по прыжкам в длину, бронзовый призер Кубка СССР, ученик Серго Кавтарадзе и Виктора Санеева, кандидат педагогических наук, коренной тбилисец. А еще — драммер. В 80-е годы Валерий играл на ударных в рок-группе «Контур». В ее составе были только спортсмены. В том числе — Мамука Чихладзе, в будущем — легендарный грузинский гитарист. «Контур» стал первой рок-группой в его биографии.

— Ряды редеют, — со слезами в голосе говорил Валерий. — Давайте поговорим о блюзе и роке в Грузии. Я просто очень хочу высказаться. Вспомнить о своих друзьях-музыкантах...

И мы вспомнили. Конечно, не все и не всех, но пусть этот рассказ станет началом. За ним последуют и другие.

Бачи Китиашвили

— Первым был, безусловно, Бачи Китиашвили со своей группой «Бермуха». Бачи – отец грузинского рока, его патриарх и вообще – пионер рок-музыки в СССР. Легенда, без преувеличения.

Из интервью Бачи Китиашвили (1946-2016):

«Еще школьником я все ночи напролет слушал рок. Я был без ума от этой музыки, от звуков электрогитары. Тогда многие даже и не знали, что такое электрогитара. В первый раз этот инструмент я увидел в 1960 году, на концерте перуанской певицы Имы Сумак в Тбилиси. Сам я тогда играл на акустической семиструнной гитаре, которую одалживал у своего педагога. Я страстно хотел играть рок и начал думать о создании рок-группы. Гитару мне сделали, а в качестве усилителя я использовал динамик от радиоприемника. А потом начал искать единомышленников. Так появилась группа «Бермуха». В первый состав вошли Нодар Гвинианидзе, Евгений Галатов, Владимир Ковзиридзе, попозже присоединился Амиран Иобашвили. Мы надели затертые джинсы и отрасли волосы. Первый концерт прошел в Рустави. Позже мы стали давать концерты в других городах. Собирали полные залы. К 70-му году слава «Бермухи» достигла зенита. Наши выступления были не просто концертами, а перерастали

в акции. Мы всеяли в наших поклонников дух свободы. На протяжении 12 лет мы, можно сказать, не сходили со сцены, колесили по городам и весям – Москва, Сочи, Киев, Харьков... Честно говоря, я удивляюсь, что и сегодня нас слушает столько молодых. Во время нашего концерта в Кутаиси перекрыли дороги, центральная площадь была переполнена молодыми людьми, которые, наверное, по рассказам своих отцов знали о том, кто такой Бачи. Их отцы подпевали со слезами на глазах. В Телави около 2000 зрителей слушали нас стоя. Мы и не представляли, что нас будут

ток и популяризатор музыки), в марте 80-го, мне было 16 лет. Я находился в зале филармонии, когда играли «Машина времени», «Аквариум», «Автограф», «Гунеш» из Ашхабада – у них был совершенно сумасшедший барабанщик, он играл соло на барабанах... Вообще, это казалось невероятным – советский рок-фестиваль! Но это было, и было у нас, в Грузии. Идею поддержал лично Шеварднадзе.

В те же годы успешно выступали «Контраст» братьев Камаловых, они играли ритм-энд-блюз, «Парни из рок-н-ролла»... Надо вспомнить и Вову Могеладзе, блестящего гитариста.

Рок-группа «Бермуха»

встречать с такой любовью. У нас есть большое, плодотворное прошлое и творческие удачи, которые, с уверенностью могу сказать, способны обогатить и английскую фонотеку. Молодые должны знать о том, что без прошлого не может быть будущего. На пустом месте ничего не строится».

— В 1971-м начал играть Валера Кочаров. Сперва он основал группу Cold Flame, а в 80-м – группу «Блиц», специально к первому в Союзе рок-фестивалю «Весенние ритмы» в Тбилиси. Они играли песни «Битлз». И даже победили на фестивале Beatles Convention в Ливерпуле в 1987 году. А тогда, во время тбилисского фестиваля (одним из его организаторов, кстати, был Евгений Мачавариани, знаменитый зна-

Он начал играть еще в конце 60-х, в том же «Контрасте», а в 86-м создал группу «Blues mobile band», которая запросто собирала полный Дворец спорта, и Дворец стоял на ушах. Они играли тяжелый блюз-рок на английском языке. С 1987 года группа выступала на многочисленных европейских фестивалях, с феерическим успехом дала концерты в Москве и Ленинграде. Вообще, Вова – один из немногих (если не единственный), кто добился успеха как музыкант и в Грузии, и в Европе, и в Америке. Представьте себе, он играл с Элвином Ли, Тимом Богертом, с музыкантами из группы Nazareth!

Из интервью Владимира Могеладзе:

«В советское время на нас просто не обращали внимания.

Нас никто не воспринимал серьезно — играет кто-то какой-то там рок-н-ролл, ну и пусть играет. Серьезные сцены, серьезные гастролы для нас, разумеется, были закрыты. Да мы на это и не претендовали! Лишь бы играть — остальное не важно».

— Помню группу «Капкан» Игоря Абуладзе. На гитаре у них играл Мераби Чиковани. Тексты писал, помню, отец Игоря. «Нет ни шумихи, ни рекламы, ни афиш. В пустынном зале ты один сидишь. Что наша музыка? Она тебе не в прок. Но дай нам только срок, и это будет Рок, Рок, Рок». Группа просуществовала с 1981 по 1990 год.

Потом были мы — «Контур». Мы начали на базе Института физкультуры. Нас было четверо, и все мы были легкоатлетами — Мамука Чихладзе, Валера Гургенидзе, Шалико Атонели и я. Мамука бегал спринт, Шалико прыгал тройной прыжок. Валера — в длину, вместе со мной. И, конечно, замечательный Вова Абшилава, который написал для нас около 25 текстов. А музыка была наша, общая. Мы выступа-

Владимир Могеладзе

ли в Институте физкультуры, на открытых площадках в городе, на разных фестивалях. Но должен вам сказать — прежде чем впервые выйти на сцену, да и потом, мы много занимались, репетировали. Так же, как спортсменам необходимы тренировки, так и музыкантам. Музыка, помимо всего прочего, это большой труд. Помню, Мамука приходит ко мне домой с гитарой. Дома никого нет, только я. Я собираю все чеканки, кастрюли, ведра — в те времена барабанов было не найти. Беру лю-

«Blues mobile band»

бые палки, и мы с ним играем... Двоих из «Контура» уже нет на свете — Мамуки Чихладзе и Валеры Гургенидзе... В Грузии мы не испытывали никаких проблем — никто нас не запрещал, никто нам не мешал. Правда, были небезызвестные худсоветы. Мы им играли нашу программу, сдавали тексты песен. Однажды нам завернули песню. Она называлась «Постой, постой, американец». Надо было поменять текст. Вова Абшилава изменил первую строку: «Постой, великий чужестранец». И песня прошла! Это было в 1984 году, когда Евгений Мачавариани, организовал уже наш, грузинский, рок-фестиваль. И он сам тогда объявил — эти ребята играют настоящий hard rock, все, «Контур» в финале фестиваля. И мы играли — в Большом концертном зале филармонии. Вообще Мачавариани очень поддерживал

молодых музыкантов. Помните, он делал замечательную телепрограмму «Это эстрада»? Я, как и многие, в определенный день всегда ждал 11 часов вечера, чтобы посмотреть эту передачу...

Помню хорошую группу «Эллада» братьев Паницидис — это был один из ведущих ансамблей Грузинской филармонии. У них была лучшая аппаратура в Грузии. Как-то мы ездили с ними на концерты в Кахетию. Играем. Подходит солист «Эллады» Манолис Апостолидис: «Ребята, да вы — как «Лед Зепелин» среди гор!» Вот такой комплимент мы получили от коллег. А в 1988 году я уехал в Москву — учиться в аспирантуре. Мамука, конечно, просил — может, не поедешь? Но как я мог остаться? Аспирантура! Я приехал через год, и как раз во Дворце спорта был концерт

Мамука Чихладзе

«Мдзиме джвари» – эту команду Мамука создал после «Контур». Потом «Мдзиме джвари» распался, и появился «Blues Factor», который существовал, пока Мамука был жив. У него было много учеников. Он занимался с молодыми ребятами в своей студии, неподалеку от стадиона «Динамо». Я всегда его навещал, когда приезжал в Тбилиси.

Из интервью Мамуки Чихладзе (1962-2021):

«Я был спортсменом, учеником Виктора Санеева. В Институте физкультуры, где я учился, мы создали группу «Контур». Потом, в 1988 году, появился «Мдзиме джвари». В первом составе я был единственным тбилисцем. Басист Валера Гургенидзе (он тоже из «Контур») – был из Батуми, клавишник Гоча Чабукаидзе – из Рустави, Темур Боджгуа, вокал, – из Сенаки,

Рок-группа «Контур»

Рок-группа «Мдзиме джвари»

драммер Шота Самушиа – сучумец. В 1990 году мы успешно выступили на международном рок-фестивале в Лиепае, вошли в десятку лучших. Записали саунд-трек к фильму «Падший ангел» (режиссер – Левон Узунян, *прим.ред.*), в котором главную роль исполнял Мамука Кикалеишвили. В тяжелые времена – 90-е – все группы перестали играть. А мы продолжали. Лаваш, соль, вода – вот на чем мы делали рок. На углу Леселидзе, у старого здания мэрии, в подвале, каждую субботу-воскресенье давали концерты. Ходить было некуда, а люди приходили к нам в подвал и слушали нашу музыку. По городу ездили танки, а «Мдзиме джвари» играл. В 1996 году собрался второй состав – Леван Капанадзе, Леван Беитришвили, Гога Иорамашвили, Дато Зимзибадзе. Мы играли тяжелый металл, записывали альбомы. А потом – остановились... Рок – это такой жанр жизни, который требует от тебя жить, как рокер, рокмэн. Сегодня у меня есть школа гитары, и я передаю ученикам то, что действительно важно и ценно. Главное – ты должен приласкать каждую ноту, и тогда нота отзовется всей душой и что-то тебе поведаст...»

– Валерий, а в чем была, как говорят, фишка грузинских роковеров?

– Они играли сердцем, душой.

– Что вы чувствуете, когда вспоминаете те годы?

– Я люблю то время! Мы тре-

нировались, потом шли репетировать. Покупали хлеб и соль. И вместе ели этот хлеб-соль на репетициях. А затем шли пешком – от Института физкультуры до Плеханова.

– Далековато!

– Да. И мы были счастливы.

М. Чихладзе и В. Обидко

Светлое было время.

– Люди были другие?

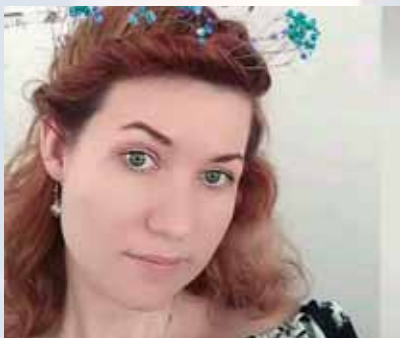
– Другие. Очень добрые и очень красивые.

– Как вы думаете, вам найдется с кем сыграть, когда вы приедете в Тбилиси?

– Сын Мамуки Чихладзе – бас-гитарист. Думаю, мы с ним еще сыграем.

НА РЫБАЛКЕ

РАССКАЗ

■ **Татьяна АСТРИТ**

Черный хребет шин тянулся от холма до самого каменистого берега. Высокие лопухи нагоняли его где-то в середине вместе с редкими седеющими прядями голубоватой полыни. Острокрылые черные ласточки охотились за мошкой в сыроватой дымке утреннего неба. Вдали виднелись старые кресты с растрепанной позолотой на потускневших куполах деревенской церкви.

По кромке берега грузно шел человек, заваливаясь то на правый бок, то на левый. То ли ноша его тяготила, то ли ломота в спине. В одной руке он нес удочку с замотанной вокруг удила леской с самодельным поплавком из пенопласта. На свободном плече его висел холщовый мешок со снастями, прикормкой и початой бутылкой самогона.

Дойдя до Носка, так назывался мыс с высокими, наполовину утопленными валунами, он сбросил свою ношу наземь и, насвистывая себе под нос песенку, принялся разматывать снасти. Тростниковая удочка вторила ловким движениям пальцев, мягко гнулась под ними. Тут же на берегу нашел он рогатую палку, заострил конец перочинным ножом и вкрутил ее в мягкий податливый ил, поглужбе, чтобы держалась крепко.

Водрузив красного извивающегося червя на крючок, старик размахнулся и со свистом закинул удочку в воду. Повел взглядом и, удостоверившись, что место выбрано удачно, опустил край на рогатую палку. Затем принялся за прикормку. Плотную перловую кашу с кукурузными зернами он развел водой и пере-

мешал погнутой узорчатой ложкой. Бабка грызла его за всякую мелочь, вроде утащенной с кухни ложки из семейного набора.

– Да, кому, она к чертям собачьим сдалась? – протестовал он. – Лежит без дела, сгнила бы давно, будь она из дерева, а не из латуни.

Так и утащил – для дела, как говорится.

Несколько горстей каши он свободно выбросил в воду, а оставшиеся затолкал в сетчатый мешок, затянул потуже узел и вместе с камнем отправил на глубину. Водная гладь дернулась, поддалась вперед, побежали неровные круги рядом. Поплавок несколько отпрыгнул в сторону, точно желторотый птенец, и снова замер в нерешительности.

Старик присел на корточки и посмотрел вдаль. На той стороне чернели треуголки домиков, высокие столбы электропередач, а по мосту струилась пыльная вереница автомобилей. Внезапные гудки потревожили его старое ухо, надавили на седую голову и потянули к земле. Хотелось лечь пластом, раскинуть руки, как когда-то в детстве после сенокоса, и смотреть в синюю бескрайнюю простыню неба. Хотелось отмахнуться от назойливых мух кепкой, спугнуть полосатого шмеля с соседнего цветка и забыться.

Город наседали, упорно и безоговорочно он протягивал свои лапы все дальше и дальше. Захватывал акр земли, за ним еще один, отправляя в небытие старые деревянные постройки, сараи, дома. Отправляя на выселки всех тех, кто еще пытался жить по старинке.

– Вот уж и сосед продал лошадь, обменяв ее на мотоцикл, да еще и в долги влез, – говорила его бабка. Молодежь, та все поголовно стремилась в город, бросала поля, стариков, вырубала лес.

Знакомая с детства жизнь утекала, как вода сквозь решето, оставляя после себя лишь горькое воспоминание. И не было поблизости никого, кому можно было передать хотя бы ее часть, хотя бы кроху того, что

он испытал.

Отмирала, отмирала деревенская жизнь.

Старик медленно перевел взгляд с качающегося на волнах поплавок на мелкие пузырьки возле кормушки. Спешить ему было некуда. А потому он ждал, смотрел на воду, на мелькавшие то здесь, то там рябые плавники, хвосты и ждал. Он вынул кисет с табаком. Насыпал немного в трубку, чиркнул спичкой и закурил. Тонкой струйкой дымок утекал в раскинутое над ним небо, смешивался с туманом, с нависшими над поселком каплями. От воды потянуло тиной. Привычно впустил он в себя воздух, почесал грязноватыми ногтями седую голову, утер нос рукавом, шмыгнул. Перебросил трубку в правую сторону рта, затянулся снова. Мимо него с шумом и плеском пронеслась моторная лодка. Он проводил ее с упреком, едва ли не с ненавистью.

– Шумливо, однако.

И вдруг взгляд его ожил. Поплавок чуть накренился вбок, дернулся раз, другой, третий. Старик мягко опустил ладони на удочку и приподнял ее с рогатины. Тело его напряглось, натянулось, точно тетива, замерло. Казалось, что рыба играет с ним. Напоследок поплавок выскочил из воды, улегался поперек волн и резко ушел в глубину.

Старик потянул на себя удочку. Губастая морда сома высунулась из воды, криво повела глазом и уже на подлете к берегу дернулась так неистово, так рьяно, что соскочила в мутную воду, оставив на крючке часть губы и какой-то блестящий предмет.

Рыбак чертыхнулся, сплюнул себе под ноги, с досадой оглядел удочку. На зазубренном крае висело желтоватое кольцо, немного погнутое, с поломанной дугой и янтарным камнем в центре.

Пришлось ему как следует повозиться, чтобы высвободить крючок. Подслеповатыми глазами повертел он его на свету, стараясь разобрать пробу. На обратной стороне мелькали какие-то закорючки. Но он их не видел и не знал. А потому, так и не обнаружив ничего ценного, размахнулся и забросил подарок подальше в глубину. Нацепил червя на крючок, закинул удочку и присел в ожидании дара.

...И это пройдет, – гласила надпись на ребре кольца Соломона.

«МНЕ ПРЕДЛАГАЛИ ВЫСТУПАТЬ ЗА США, ФИНЛЯндиЮ И НОРВЕГИЮ, НО...»

■ Тенгиз ПАЧКОРИЯ

Имя легендарного прыгуна с трамплина Кобы Варденовича Цакадзе занимает особое место в истории мирового спорта и Олимпийского движения – не только как изобретателя знаменитого прыжка Fisch Stil, но и спортивного долгожителя: он четыре раза участвовал в Зимних Олимпийских Играх (1956, 1960, 1964, 1972), дважды войдя в первую десятку, четыре раза – в чемпионатах мира и дважды вошел в шестерку лучших, был победителем и призером международных турниров, пятикратным чемпионом СССР, трехкратным победителем Кубка СССР, чемпионом Спартакиады народов СССР. Заслуженный мастер спорта СССР.

Он родился и вырос в Бакуриани, где и живет по сегодняшний день. Найти его было несложно – каждый житель Бакуриани знает дом, который находится на улице имени... Кобы Цакадзе. Сейчас ему 89 лет.
– Батоно Коба, как вы стали прыгуном с трамплина?

– Во времена моего детства в Бакуриани было два важнейших занятия – сельское хозяйство и лыжи. Мой брат выступал в соревнованиях по лыжным гонкам, я тоже увлекался лыжами. А прыжками с трамплинами стал заниматься в начале 1940-х годов – тогда в Бакуриани привозили лыжников из разных городов СССР. На месте их дислокации был трамплин, мы с товарищем ходили посмотреть на приезжих спортсменов. Однажды их тренер подошел к нам и спросил, кто хочет прыгнуть. И я прыгнул. Как говорят, прыгнул неплохо. Вскоре в Бакуриани отстроили трамплины для прыжков, я стал выступать на турнирах, и в 1952 году в возрасте 18 лет попал в сборную СССР.

– *Мировая слава к вам пришла почти мгновенно.*

– Это случилось в январе 1956 года. Я стал первым советским прыгуном, кто победил на этапе Турне четырех трамплинов в Инсбруке. А на этапе в

Бишофсхофене был вторым.

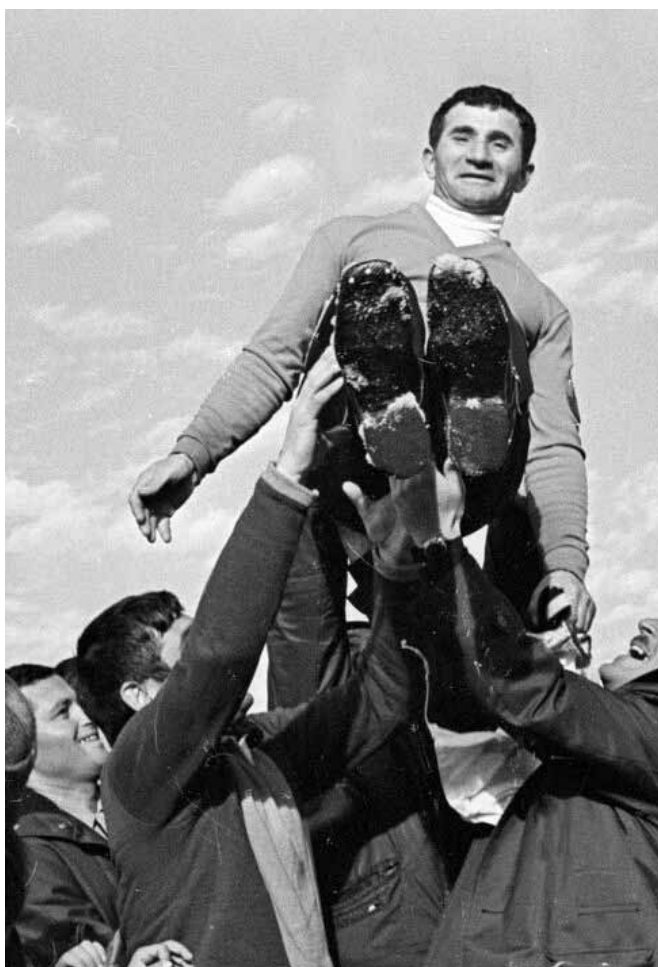
– *А через месяц о вас уже с восторгом писала газета «Нью-Йорк Таймс».*

– Все дело в манере прыжка. В полете я прижимал руки по швам и наклонял корпус очень близко к лыжам. Такая техника давала максимальную дальность полетов. Со временем все прыгуны стали прыгать именно так. А первым был я.

– *Вам предлагали перебраться в Москву и Ленинград, выступать за сборные этих городов...*

– Да, были такие предложения. Предлагали квартиры, машины, солидную зарплату, премиальные. Но я всегда отвечал, что не могу оставить маму, которая живет в Бакуриани и никуда не хочет переезжать, говорил, что я родился и вырос в Грузии, и буду выступать за команду Грузии. Но это в принципе не мешало моим хорошим отношениям с тренерами сборной СССР. Да и со спортивными чиновниками тоже.

– *Насколько я знаю, вам пред-*

лагали уехать и из СССР?

– И такое было несколько раз. Первое предложение поступило в 1958 году, после победы на представительном международном турнире в Лахти – мне предложили гражданство Финляндии. После турниров в Швеции последовало предложение стать подданным Норвегии. И наконец, в 1959 году представители США предложили большие деньги и гражданство США с перспективой выступления за их страну на зимних Олимпийских Играх. Но я на самом деле не собирался покидать любимый Бакуриани! – *Долгая спортивная жизнь подарила вам немало встреч с сильными мира всего...*

– После важнейших турниров проходили приемы и встречи для спортсменов. Мы встречались с Ричардом Никсоном, Конрадом Аденауэром, Улофом Пальме, Пьером Эллиотом Трюдо, Иосипом Брозом Тито, Александром Дубчеком, Владиславом Гомолкой и дру-

Коба Цакадзе и Тенгиз Пачнория

гими. Конечно, были встречи и с советскими руководителями, в том числе, с Никитой Хрущевым и Леонидом Брежневым. Эти встречи были разными, но весьма интересными. Сколько лет уже прошло....

– *Спортивная династия Цакадзе продолжается?*

– Мой сын Кахабер тоже стал прыгуном. В составе сборной Грузии участвовал в трех Зимних Олимпиадах – в 1994-м, 1998-м и 2002-м.

Владимир Немирович-Данченко

В театре им. Руставели с участниками спектакля «Киквидзе»

«ВСЕ В НЕМ БЫЛО НЕОБЫЧНО...»

165 ЛЕТ НАЗАД РОДИЛСЯ ВЕЛИКИЙ ТЕАТРАЛЬНЫЙ РЕФОРМАТОР ВЛАДИМИР НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО

«Это была удивительная зима в Тбилиси. Большая группа выдающихся деятелей искусства из Москвы, Ленинграда, Украины была эвакуирована в столицу Грузии. Немирович-Данченко, Качалов, Книппер-Чехова, Рыжова, Тарханов, Массалитинова, балерина Марина Семенова, певцы Гришко, Частий, Кипоренко-Доманский, известные композиторы и пианисты Сергей Прокофьев, Игумнов, Гольденвейзер и многие другие. Приехал к себе на родину и Вахтанг Чабукиани.

Ребята сразу пронюхали, где разместились мастера искусства, и мы всей ватагой шли к гостинице «Тбилиси», что напротив нашей школы, рядом с Театром Руставели.

Народу – полным-полно. Всем хочется увидеть живьем Немировича-Данченко, Качалова, Книппер-Чехову, Тарханова и других.

Немирович-Данченко – это особая статья. То, что он тбилисец, знали все, но не всем было

известно, что он воспитанник первой гимназии. «Наш!» – с гордостью говорили мы. Его фамилия украшала доску у входа в школу с именами выдающихся деятелей – выпускников гимназии и школы. Уточнить, в каком классе, в какой комнате, за какой партой он сидел и учился, так и не удалось. Вот мы и уверяли всех, что это было именно в нашем классе. Мало кто знал тогда, что Немирович-Данченко родился рядом с моей деревней Натанеби, в селе Шемокмеди Озургетского района. В юношеские годы все это, как мне казалось, возвышало меня над сверстниками. В глубине души я считал себя самым близким человеком высокого гостя.

...Вот в дверях гостиницы появляется Владимир Иванович Немирович-Данченко. Было невозможно поверить, что ему 83 года. Подтянутый, весь какой-то «накрахмаленный». Быстрый шаг, стремительные движения. Тыльной стороной ладони часто поглаживает свою необычайной

близны бороду. Все в нем было необычно, не так, как у всех.

Оказывается, первое, что попросил Немирович-Данченко, – посетить родную школу и найти дом, где он когда-то жил. Желание было удовлетворено частично. Владимир Иванович походил по школе с несколько грустным видом, о чем-то поговорил с окружающими, иногда улыбаясь воспоминаниям. Уходя, он обернулся, еще раз взглянул на школу, глубоко вздохнул и удалился. А дом, где он жил, так и не нашли: его просто снесли по причине реконструкции городских улиц.

В те дни он был приглашен в театральный институт, выступал с публичными лекциями в Доме офицеров, побывал в Театре Руставели, затем и в Театре Марджанишвили. Каждый шаг Немировича-Данченко, каждое его выступление было в центре внимания театральной общественности...»

Котэ МАХАРАДЗЕ

«Тбилисская зима 42-го года»

Из книги

«Репортаж без микрофона»

И. Квирикадзе, М. Шохиев и Д. Окропиридзе

ФЕСТИВАЛЬ – ЭТО ПРАЗДНИК КИНО!

— Елена ГАЛАШЕВСКАЯ

«Вы бывали в Таджикистане? Нет? Вы даже не представляете, что теряете! Это самое маленькое государство Средней Азии, но сколько же красот и чудес на этой земле! Памир, тринадцатиметровая статуя Будды, Нурекская плотина... Таджики живут очень традиционно: девушки заплетают волосы в косы, многие носят национальные одежды – расшитые платья, шапочки из белого шелка. А уж гостеприимство таджиков поистине безгранично – в этом мы убедились сами».

Так эмоционально и восторженно начала наш разговор известный грузинский киновед Дали Окропиридзе, которая недавно вернулась с Первого международного кинофестиваля «Тоджи Сомон».

– Организовывать международный кинофестиваль – сложное дело, – рассказывает калбатони Дали. – Но к этой идее в Душанбе отнеслись очень серьезно, и, при поддержке президента страны Эмомали Рахмона, фестиваль под девизом «История развития таджиков» состоялся. Открытие символично приурочили ко Дню таджикского кино и 120-летию со дня рождения одного из основателей таджикского кинематографа – режиссера, актера Комила Ярматова.

В рамках кинофестиваля прошел целый ряд интересных мероприятий: Дни российского кино, Международный форум «Возрождение кино», посвященный Комилу Ярматову, Дни узбекского кино, фотовыставка «Мой город – мой дом», посвященная

Душанбе и др.

В фестивале приняли участие многочисленные гости из России, Узбекистана, Молдовы, Азербайджана, Китая, Франции, Индии, Пакистана, Казахстана и других стран. В состав международного жюри, приглашенного директором «Таджикфильма» Махмадсаидом Шохиевом, вошел выдающийся грузинский режиссер и сценарист Иракий Квирикадзе.

Церемония награждения и подведения итогов прошла в Таджикском государственном академическом театре оперы и балета имени Садриддина Айни. Каждому победителю (их было 10) вручили специально изготовленную статуэтку с изображением основателя таджикского государства Исмоила Сомони

– уменьшенную в 100 раз копию памятника, установленного на площади Дружбы в Душанбе.

Лучшим короткометражным фильмом назван фильм «Додараки фариштахо» («Младший брат ангелов») Умеда Мирзоширинова из Таджикистана. Индийский фильм «Восход перемен» режиссера С. Раджамули получил Приз зрительских симпатий. Специального приза жюри удостоена картина «Девушка-узбечка» Акбара Бектурдиева из Узбекистана. Приз «Лучшая женская роль» вручен Айсанам Юсуповой

Члены жюри

из Узбекистана, приз «Лучшая мужская роль» – Абдулмумину Шарифу и Салохиддину Шукурзода (фильм «Дов») из Таджикистана. Приз «Лучший оператор» достался Сао Юю (фильм «Линия жизни») из КНР. Режиссер фильма «Озурдагон» («Раздраженные») Махди Фард Кодир из Ирана и режиссер фильма «Признак долгожданного счастья» Татьяна Колганова из России удостоены приза «Лучший режиссер». Гран-при получил художественный фильм «Рох» («Дорога») таджикского режиссера Носира Саида. Специальный приз мэра столицы «За вклад в развитие кинематографии» вручен Народной артистке Таджикистана Сайрам Исаевой.

– Хочу подчеркнуть, – добавила калбатони Дали, – что подобный фестиваль проведен впервые за 22 года независимости Таджикистана, и проведен безупречно. От всего сердца благодарю организаторов, подарившим нам, участникам, незабываемые впечатления и надеюсь на новые встречи!

«ВО СПАСЕНИЕ ВЕКАМ...»

Исполнилось 100 лет со дня рождения Георгия (Гии) Маргвелашвили, литературного критика, литературоведа, переводчика, основателя и ведущего (на протяжении многих лет) легендарной рубрики в журнале «Литературная Грузия» «Свидетельствует вещий знак».

«Гия Маргвелашвили – человек, необыкновенно много сделавший для того, чтобы Грузия приняла русских поэтов как своих певцов и любимцев, а русские поэты осознали Грузию как свою вторую Родину, – пишет главный редактор журнала «Знамя» Сергей Чупринин. – Исследователь и редактор с безукоризненным художественным вкусом, подлинный рыцарь дружбы, Г. Маргвелашвили приветил едва ли не всех заметных русских поэтов второй половины XX века. Одни из них были тогда в зените славы, другие только-только начинали творческий путь, но все они как званные и избранные были встречены на страницах «Литературной Грузии», а сам этот тбилисский журнал на несколько десятилетий стал верным пристанищем для гонимой русской Музы. Прочитываемые в живом диалоге с грузинской национальной классикой, в контексте со стихами и переводами О. Мандельштама, М. Цветаевой, А. Ахматовой, Б. Пастернака, многие и многие лирические создания русских поэтов – наших современников, впервые отважно опубликованные Гией и его товарищами, стали сегодня гордостью обеих культур – русской и грузинской».

■ Георгий МАРГВЕЛАШВИЛИ

Из Галактиона ТАБИДЗЕ

ВИТАЕТ ПОЗДНЯЯ МЕЧТА

Вот книга: слезы и тщета
И сатане осанна.
Витают поздняя мечта
Вилье де Лиль-Адана.

И бодрствует мой верный страж –
Сквозь рой галлюцинаций
Мой дух дежурит у костра
И мысли колосятся.

Но этот синий, синий день
Разлук и расставаний!
Звучат слова мои к беде.
И не переставая –
В глазах твоя маячит тень,
Слезам обрастая.

О друзья, наша тайная вечеря,
Может быть, во спасенье векам?
О мой верный Иуда, ведь нечего
Сокрушаться о будущем нам?
Кто способен предать нашу искренность
И собратьям подвох преподнесть?
А один из двенадцати избранных
Обессмертит учителя днесь...

Г. Маргвелашвили, Р. Амашукели, Б. Ахмадулина

Я И НОЧЬ

Вот сижу и пишу. Лунный свет – словно дым.
И колеблет свечу ветерок-нелюдим.

Серебристая ночь ткёт и вяжет печаль,
И сирени невмочь сбросить лунную шаль.

А небесную глубь просквозила насквозь
То ли песнь, то ли грусть, то ли облака гроздь.

Этим тайным свеченьем спеленута даль,
И вплетается тень в белопенный хрусталь.

Так и я, скрыв печаль одинокой души,
Тайнодержцем живу среди мрака и лжи.

Никому не дано ни унять, ни украсть
Эту дивную тайнодержавную власть.

И хоть кто-нибудь в мире прозреет ее
Освященное лирою небытие?

О, не вкрадчивой ласке медлительных дев
Подвести под огласку мой тайный напев!

Даже кубок заклятый с проклятым вином
Осушу без оглядки и – вверх дном, вверх дном!

Только ночь, сквозь бессонье привет мне даря,
Поняла тайнословье. Она лишь да я.

Эту горькую быль не дано превозмочь.
Внемлем гласу судьбы – я и ночь, я и ночь.

2023-2024

თბილისის ალ. გრიბოედოვის სახელობის
სახელმწიფო რუსული
დრამატული თეატრი

სეზონი 178 СЕЗОН

სახალწლო ანდრეგეტის
ღღეჭა

დეკემბერი

28 ხუთშ., 29 პარ.

პრემიერა
პ. ტრევერსი

მერი პოპინსი

მიუზიკლი

30 შაბ.

პ.ქ. ანდერსენი

თოვლის დადოვალი

მუსიკალური ზღაპარი

იანვარი

3 ოთხ.

პ.ქ. ანდერსენი

თოვლის დადოვალი

მუსიკალური ზღაპარი

4 ხუთშ.

ნ. კალატოვი

ბედის სარეჟარი

მუსიკალური ზღაპარი

5 პარ.

პ.ქ. ანდერსენი

ნამცეცა

მუსიკალური წარმოდგენა

6 შაბ., 7 კვ.

პრემიერა
პ. ტრევერსი

მერი პოპინსი

მიუზიკლი

8 ორშ.

რ. კიპლინგი

მაუგლი

მუსიკალური წარმოდგენა

9 სამშ.

ა. ლინდგრენი

კარლსონის თავბადასავალი

მუსიკალური წარმოდგენა

10 ოთხშ., 11 ხუთშ.

პრემიერა
პ. ტრევერსი

მერი პოპინსი

მიუზიკლი

საქათაქაღვის დასაწყისი
12.00

დიდი დარბაზი

თეატრის სამხატვრო ხელმძღვანელი
აუთანდილ ვარსიმაშვილი
სახელმწიფო პრემიის ლაურეატი
კოტე მარჯანიშვილის სახ. პრემიის ლაურეატი

2 93-11-06, 2 93-43-36

2023-2024

Тбилисский государственный русский
драматический театр
им. А.С. Грибоедова

В ДНИ НОВОГОДНИХ
КАНИКУЛ

ДЕКАБРЬ

28 ყ., 29 იტ.

Премьера
П. Трэверс

МЭРИ ПОПИНС

Музыкал

30 სბ.

Г.-Х. Андерсен

СНЕЖНАЯ КОРОЛЕВА

Музыкальная сказка

ЯНВАРЬ

3 სრ.

Г.-Х. Андерсен

СНЕЖНАЯ КОРОЛЕВА

Музыкальная сказка

4 ყტ.

И. Калатош

ПОДАРОК СУДЬБЫ

Музыкальная сказка

5 იტ.

Г.-Х. Андерсен

ДЮЙМОВОЧКА

Музыкальное представление

6 სბ., 7 ხსკ.

Премьера
П. Трэверс

МЭРИ ПОПИНС

Музыкал

8 იშ.

Р. Киплинг

МАУГЛИ

Музыкальное представление

9 იტ.

А. Линдგრэн

ПРИКЛЮЧЕНИЯ КАРЛСОНА

Музыкальное представление

10 სრ., 11 ყტ.

Премьера
П. Трэверс

МЭРИ ПОПИНС

Музыкал

НАЧАЛО СПЕКТАКЛЕЙ
В 12.00

БОЛЬШОЙ ЗАЛ

Художественный руководитель театра
Антанцია Варсამაშვილი
лауреат Государственной премии Грузии
лауреат премии им. Котэ Марджанишвили

2 93-11-06, 2 93-43-36

